

Жан Колумбье

ДОСЬЕ «72»

РЕАЛИТИ-РОМАН

Жан Коломбье
Досье «72»
Серия «Реалити-роман (Этерна)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470708

Досье «72»:

ISBN 978-5-480-00198-1

Аннотация

Жан Коломбье – один из самых интереснейших современных свободных писателей Франции, не поддающийся какой-либо классификации, одновременно строгий и радостно-богохульный. Этот бывший регбист в своей провинции ожидает прихода к нему мудрости.

Содержание

1	5
2	11
3	22
4	35
5	43
6	51
7	59
8	73
9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Жан Коломбье

Досье «72»

© Editions L'Arganier, 2006

© В. В. Егоров, перевод, 2013

© Палимпсест, 2013

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2013

* * *

Все началось тем июльским утром. Это было в 2012 году. Я поехал в отпуск со своей тогдашней подругой, одной брюнеткой с грозным характером. Отец согласился дать мне свою машину, совсем новенькую «рено», которая с удовольствием пролетала километры по национальной автостраде на Вандею¹. Я ехал, слегка превышая скорость, это так, но чем я рисковал на этой прямой линии, где зеленый свет светофора гарантировал мне полную безопасность!

В тот момент, когда я приближался к светофору, наперез мне выскочил какой-то «фольксваген». Я резко вывернул руль, но избежать столкновения не получилось. Потеряв управление, «рено» вылетела с шоссе, пробила ограждение, скатилась по крутому откосу и замерла, уж не знаю как, всего в нескольких метрах от могучего дуба. Стекла разлетелись на мелкие осколки и поранили лицо Софи. Мы кое-как выбрались из груды бесформенного железа. На дороге уже собрались зеваки, кто-то успел вызвать полицию и пожарных.

Посередине перекрестка неподвижно стоял «фольксваген». У него было разбито переднее левое крыло, и из-под машины вытекала какая-то густая жидкость. Не выпуская из рук руль, его водитель, казалось, спрашивал себя, что же та-

¹ Департамент на западе Франции у побережья Атлантического океана. — *Здесь и далее прим. вед. ред. серии.*

кое с ним произошло.

Допросившим его чуть позже полицейским он дал несвязные показания. Нет, на светофор он внимания не обратил. Однако он хорошо знал дорогу, поскольку ездил здесь каждый день. Откуда он ехал? Из Сен-Совера², там он играл в карты и... извините? Пил ли он? О, выпил совсем чуточку с друзьями, как обычно... Сколько ему лет? Ему шел восемьдесят девятый год. Ах, это? – ну, тут он ничего не может поделать, человеку не дано выбирать себе возраст. А... его жена? А причем тут жена? А, у нее сломана рука? – как сказали пожарные. Но это ерунда, а вот за ремонт машины придется дорого заплатить.

Значит, моему палачу было восемьдесят девять лет. В свои восемьдесят девять лет он выпил с приятелями и повез жену домой на своем красном «фольксвагене». А сигналы светофора его ничуть не беспокоили. А то, что он едва не отправил к праотцам двух молодых людей, впереди у которых было целое будущее, заботило его намного меньше, чем стоимость ремонта его собственной тачки.

Я дунул в трубку – старый картежник не смог, поскольку у него болели ребра, – сделал заявление, забрал наш багаж и дождался, когда мой страховой агент пришлет такси, чтобы мы доехали до ближайшего вокзала. Негодование отца, ворчание подруги, закончившийся, не успев начаться, отпуск.

² Серно-натронные источники во французском департаменте Верхние Пиренеи, горнолыжный курорт.

Да здравствует преклонный возраст!

Вернувшись в Париж, я именно так все и объяснил моему кузену Максу. А тем временем дело обернулось плохо: машина ремонту не подлежала, а отец с гневом, в котором слышалось подлинное горе, вопрошал меня, где он теперь сможет найти «рено» в таком хорошем состоянии. При всем при этом Софи потеряла серьгу, которой она дорожила как зеницей ока. Механик из меня никудышный, устройство женской души никогда не было мне понятно. Ее ворчание перешло в окончательное молчание. Спустя восемь дней она уехала на Лазурный Берег с другом, который водил машину осторожно.

Откровенно говоря, надо бы запретить водить машину людям определенного возраста. Им надо бы вообще запретить высовывать свой нос на улицу. Надо бы даже, стоп... Только приличие помешало мне закончить эту ужасную фразу. Кузен Макс больше уже не смеялся. Я постарался рассмешить его, но он не смеялся, углубившись в привычные для него размышления.

Макс, которого я звал Кузен Макс, поскольку он и на самом деле был моим кузеном, являлся образцом для всей нашей семьи. Он преуспел в жизни. Став в тридцать восемь лет главой кабинета министра внутренних дел, этого зловещего Бофора³, Макс был полон законных честолюбивых планов.

³ Здесь, видимо, проводится параллель с исторической личностью Генрихом Бофором (1377–1447) – английским государственным деятелем, епископом,

У него, как он говорил, были некие планы для Франции. А значит, и для себя самого. Наконец он вроде бы проснулся:

— А ты знаешь, что вчера со мной приключилось то же самое? Нет, до столкновения дело не дошло, потому что я ехал не очень быстро. Но на авеню Ваграм какой-то старик тронулся с места и стал разворачиваться просто так, не посмотрев назад, не включив сигнал поворота... Он представлял опасность для общества, он мог сбить ребенка, и он этого совсем не понимал... Надо что-то делать... И у меня есть несколько идей на этот счет. Могу тебе только сказать, что они наделают шума. Папашу Бофора кондрашка хватит! Но у нас нет выбора, будущее страны в опасности...

Больше мне ничего узнать не удалось: ему оставалось продумать некоторые детали, а для этого требовалось пораскинуть мозгами. И потом, в любом случае, как глава кабинета, он решил оставить право первым выслушать его предложения своему министру. Но я не должен беспокоиться: он будет держать меня в курсе, он все мне расскажет сразу же после разговора с министром! Оценивал ли я честь, которую он мне оказывал? Впрочем, я, возможно, еще понадоблюсь Кузену Максу.

Несмотря на довольно прохладные отношения между нашими семьями, со временем мы с ним сумели завязать едва ли не братскую дружбу. Хотя нас и разделяло очень многое. Он был на десять лет старше меня, и за его плечами бы-

председателем суда, приговорившего Жанну д'Арк к смерти.

ла учеба в очень престижном высшем учебном заведении, таком как Национальная школа администрации, факультет политологии, открывающий королевский путь для того, кто хотел заняться политикой.

Политикой, но в благородном смысле этого слова, в чисто этимологическом понимании, – спешил он добавить. Он мечтал о том, что будет управлять городом. А политические игры его не привлекали. Все так говорят, отвечал я ему, когда хотел его подколоть.

В благородном смысле слова или нет, но лично меня политика не интересовала, между политикой и мной была пропасть непонимания: можно ли пойти на то, чтобы забыть о разнице в общественном положении, вечно сглаживать острые углы, прятать когти, чтоб понравиться как можно большему числу людей, и ставить свое поведение в зависимость от ожиданий простого народа? Я больше не буду курить, не буду веселиться, не буду ругаться, я буду всем улыбаться, жать руку людям, которые мне не нравятся. Ради власти? Какой власти? Проще говоря, для Кузена Макса я привычно повторял то же самое, что говорили многие в кафе в министерстве торговли. «Брось, – возражал он, – тебе не дано это понять. Власть – это когда ты в состоянии изменить, встряхнуть повседневную жизнь людей. Настоящая политика и настоящая власть не даны тем, кто обменивается рукопожатиями с людьми на рынках, тем, кто произносит красивые слова в модных телевизионных передачах. Нет, политика и власть

делаются и принадлежат тем, кого люди не видят, о чьем существовании они не догадываются, тем, кто за кулисами держит за ниточки, кто выдает и насаждает свои идеи. Именно к этому я и стремлюсь, и ни к чему иному». Я смеялся ему в лицо: при власти или без нее, ясно, что ему не дано помещать мне жить так, как мне хочется, не испытывая никакого давления... Но лучше бы мне было помолчать.

Итак, политика меня не интересовала. Учеба тоже, что только множило число возникающих проблем. Особенно с моими родителями. Получив диплом бакалавра, я попробовал поучиться в университете, не имея ни к чему определенной склонности. Немного права, немного социологии, потом работенка то там, то сям. Как птичка, порхающая с ветки на ветку, говорил Кузен Макс. Неудачник, именно неудачник, говорил отец. Оба они, очевидно, были правы, я вел жизнь неприкаянной птицы, встречался с друзьями, с подругами, развлекался, слушал музыку, строил заманчивые, но очень расплывчатые планы. В двадцать восемь лет, не имея постоянной работы, не имея своего угла, не имея постоянной подруги, я был идеальным испытательным полигоном для тех, кто хотел узнать планы на будущее определенной части молодого поколения. Кузен Макс этим пользовался и помимо того, что испытывал ко мне искреннюю привязанность, старался через меня поддерживать контакт с повседневностью, с реальностью, с которой люди его типа не могли или же не хотели знакомиться.

Кузен Макс явно пребывал в состоянии крайнего возбуждения.

– Если бы ты только видел лицо Бофора!

Он назначил мне встречу в пятнадцатом округе в бистро «Паломб», где постоянно столовался. Как и обещал, Кузен Макс решил посвятить меня в свой революционный проект, о котором только что переговорил с министром.

Случай очень часто решает многие вопросы. Вызванный Бофором для решения некоторых административных формальностей префект департамента Эндр разоткровенничался, когда они потягивали вино у стойки бара на втором этаже министерства. Он не должен был бы этого говорить, но люди преклонного возраста стали причинять ему много неприятностей. В его департаменте, если так будет продолжаться и дальше, молодые люди скоро станут вымирающей расой. Простите, а как же быть с седыми головами?! Все очень просто, сходите прогуляться после обеда в будний день по Шатору, вы встретите там одних только стариков. В общественном транспорте ездят одни старики. Черт возьми, к тому же бесплатно! Они мало потребляют, но они дорого обходятся, и очень скоро страна не сможет с этим справиться...

– Я ушам своим не поверил: неожиданным образом префект сам подготовил мне почву для разговора. На него бы-

ло смешно смотреть: он был смущен тем, что говорил это, но убежден в том, что выполняет свой долг, защищает безнадежное, но правое дело. Однако префект молод и поэтому достаточно объективен... Бофора эти высказывания развеселили, он поблагодарил префекта и предложил ему департамент из короны парижского округа, в котором проживает много молодых и воспитанных людей. И тогда, представляешь, я бросился на помощь этому смелому человеку и рассказал про один случай, про твою аварию, — я, правда, немного сгустил краски, чтоб усилить воздействие, сказав, что твоя подруга погибла, потом еще пару-тройку происшествий с моими друзьями, в которых были замешаны люди пенсионного возраста. С еще большей страстью, чем префект, я подчеркнул, каким тяжким грузом ложатся старики на экономику страны. Бофор уже не улыбался. В конце концов он согласился с тем, что, конечно, с точки зрения экономики это большая проблема, но что ж тут можно поделать? С этим уже столкнулись все западные страны. Это является трагическими последствиями контрацепции, людского эгоизма, морального разложения французского народа. Он начал возбуждаться, словно окунулся в ход избирательной кампании. Я шепнул ему на ухо, что у меня, возможно, есть решение этого вопроса, которое я могу ему изложить, но хотелось бы поговорить об этом с глазу на глаз.

Потому что вопрос этот очень деликатный, действительно деликатный.

Увлеченный рассказом, Кузен Макс забыл про мясо, которое уже успело остыть. Я напомнил ему об этом и поинтересовался просто так, какой интерес правому правительству искать решение, которое позволяло бы больше не заботиться о стариках. Не стоило мне этого делать: мясу суждено было быть съеденным в холодном виде или не быть съеденным вообще. На губах Кузена Макса появилась его знаменитая нравоучительная улыбка, которую он напускал на лицо для разговора с простаками. И он прочитал мне лекцию по истории.

После падения правительства левых, которое было вызвано, как известно, делом Байе, к власти снова вернулись правые. Как обычно. Благодаря неискоренимой привычке французов к переменам. Правые были разобщены, но локомотивом для них послужила НПФ, Новая партия Франции. Кузен Макс хотел, чтобы я обратил внимание на следующее: каким образом крайне правая партия, которая на ладан дышала в конце прошлого столетия, смогла за несколько лет возродиться, обрести новое дыхание, завоевать доверие и, главное, омолодить свой электорат? Конечно, она сумела максимально воспользоваться растерянностью политических партий, вызванной катастрофой на референдуме 2005 года. Помогло еще вот что: левые были дезориентированы, правые были не в лучшем состоянии, и к тому же их раздирали внутренние противоречия. Освободилась ниша для тех, кто призывал возвратиться к истокам, к истинным ценностям, к вечным ценностям Франции. И сразу же они набрали 21 % го-

лосов, не было никакой необходимости собирать голоса среди населения, желавшего безопасности; все правые партии, а затем и левые уже заняли этот сектор... Безопасность стала их главным политическим козырем, превзойдя по важности даже вопрос занятости. Вот как!

Своему успеху НПФ была обязана молодым, молодежи из предместий. Молодежи из богатых кварталов тоже, но в основном все-таки молодежи с окраин, где царило насилие. Расизм и насилие были обострены и поддержаны молодежными отделениями НФП. Как и в США, подростки собираются в группировки по этническому признаку или по кварталам, происходит война за территории, за сферы влияния, каждая этническая группировка старается утвердить свое главенство. У крайне правых хватило ума понять, что кто-то кого-то постоянно недолюбливает. И все эти молодые люди вновь обрели традиционные ценности крайне правых, ценности, которые они считают современными: превосходство расы, неприкосновенность территории, применение силы, дисциплина...

— И в конце концов ты видишь, как вокруг тебя растет численность клубов, банд, не всегда агрессивных, но отвечающих потребности сплотиться, чтобы чувствовать себя более сильным, чтобы иметь возможность противостоять агрессору. И все это явилось благодатной почвой для НФП. Следись за моей мыслью? Ну вот, мясо совсем остыло, хуже некуда. Зря ты не интересуешься политикой — могу поспо-

ритель, что ты никогда не голосовал? В двадцать восемь лет, как тебе не стыдно! — ты должен знать, что коалиция правых сил победила на выборах в законодательное собрание и что в нынешнем правительстве большинство министров от НФП. Семь министерских портфелей, включая Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и Министерство финансов. И послушный им премьерминистр. И президент республики, находящийся чуть ли не под присмотром в своей резиденции. Поэтому, если я смогу убедить Бофора, мой проект будет иметь все шансы на успех. Потому что именно Бофор определяет всю политику правительства. И, если честно, его реакция была... скажем так, она меня не разочаровала...

Значит, Кузену Максуду удалось поговорить со своим министром тет-а-тет.

«— То, что я хочу вам сказать, господин министр, может показаться неуместным и даже чудовищным. Прежде чем вы примете решение или сочтете меня ненормальным, прошу вас выслушать меня до конца и сообщить мне о вашем решении через несколько дней. Согласны?»

— Давайте, Майоль, выкладывайте, я вас слушаю.

— Помните ли вы о нашем разговоре в тот вечер с префектом Эндрю Давидом? О его озабоченности тем, что его департамент стареет. О его опасениях, что вскоре у него не будет возможности выполнять обязательства по отношению к пожилым людям... После его слов я рассказал о трагическом

случае с одним из моих кузенов и о других происшествиях, к счастью, с менее тяжелыми последствиями, но тоже связанных с пожилыми людьми. Все это меня озадачило... Я полагаю, что эти события поднимают новые проблемы: прежде всего, современностью правит скорость, простите за такое определение, в этом мире, где все происходит по нарастающей скорости, нельзя не отметить неспособность старых людей к адаптации. Неприспособленность к технологическому прогрессу, к требованиям современной повседневной жизни.

Представьте себе восьмидесятилетнего человека на бегущей дорожке, у компьютера или же с кредитной картой в руках: сколько времени теряют другие потребители, какое нервное напряжение им приходится испытывать. Старики все чаще остаются в одиночестве, покинутые своими семьями, они предоставлены сами себе и оторваны от реальной жизни.

С годами это положение будет только ухудшаться. Что же делать тогда? Вы мне можете сказать, что их можно отправить в хоспис или в дом престарелых. И будете правы. Но тут мы подходим к следующей части моей аргументации. Хосписы, дома престарелых переполнены. Они уже не справляются с нагрузкой. Строить еще? Отлично. А кто будет за все это платить? Я не захватил с собой цифры, но в любой момент готов их вам представить. В 2040 году, то есть уже завтра, средняя продолжительность жизни женщин будет превосхо-

дить восемьдесят девять лет, а мужчин – восемьдесят три. Если бы не преждевременные смерти в результате несчастных случаев или болезней, представляете, скольких девяностолетних и столетних людей пришлось бы взять обществу под свою опеку? Только представьте! В том же 2040 году во Франции прибавится дополнительно девять миллионов лиц семидесятилетнего возраста. Приведу для примера еще один показатель: известно, что в тридцать лет человек расходует на медицинскую помощь чуть менее трех тысяч евро в год... Что, извините? Простите, я еще не привык к франку, на евро переходить мне было проще, переходить снова на франки несколько сложнее. Это предел! Но цифра точная, речь идет о трех тысячах франков. Лечение того же самого человека в возрасте семидесяти лет обойдется уже в пятнадцать тысяч франков... Пятнадцать тысяч франков! Хотите, я умножу эту сумму на девять миллионов? Я не собираюсь играть на струнах сочувствия, но сколько денег тогда мы сможем выделить на создание новых рабочих мест? На трудоустройство молодежи? На развитие семьи? На научные изыскания?

– Не увлекайтесь, Майоль! Вы говорите словно агитатор НФП! Однако вы ведь не политик, вы – технократ...

– Господин министр, технократия является орудием политики.

– Любопытно, у меня такое впечатление, что вы хотите поменяться ролями: сделать меня орудием вашей агитационной кампании.

– Без всякой задней мысли, я просто стараюсь убедить вас в том, что Франция стоит на развилке пути развития. Она должна принять смелые решения. Это в ее характере.

– Вон как вы повернули! Но что же это за решения? Вы изложили мне проблему, я разделяю вашу точку зрения. Наши предшественники зубы себе обломали на пенсионном возрасте. С пенсионными фондами пока все понятно, и совершенно ясно, что это – веревка на нашей шее.

– Тогда ее надо перекинуть на шею пенсионеров! Мы сейчас одни, господин министр, мы можем свободно говорить обо всем, можем даже заговариваться. Я утверждаю: необходимо сократить жизнь стариков. Нужно ввести официальную эвтаназию в некотором смысле...

– Эвта... вы хотите сказать... убить их?

– Называйте это как вам будет угодно. Речь идет, во всяком случае, о сокращении времени дожития.

– Да вы с ума сошли... Никто и никогда не посмеет дойти до такой гнусности...

– Возможно, я и сошел с ума. Кстати, именно так я и подумал, когда впервые стал рассматривать эту гипотезу. А пока, понимая, что с сознанием у меня все в порядке, я ставлю вопрос так: поддержим ли мы такое решение проблемы? Если да, тогда пора приниматься за поиски наилучших путей решения. Но повторяю, господин министр, поразмышляйте над этим несколько дней. Мы можем вернуться к этому вопросу когда пожелаете. Я позволю себе только подчеркнуть,

что, даже если эта мера на первый взгляд и может показаться негуманной – хотя это и не так, я потом объясню вам почему, – следует помнить о главном. А главное в том, что миллиарды евро, извините, конечно же, франков... десятки миллиардов франков страна сможет сэкономить и отдать их живой силе...

– Но ваша эта... эвтаназия, кого она должна коснуться? Всех? Или только инвалидов?

– Всех стариков. Если начать принимать во внимание то одно, то другое, миловать одноруких и не миловать одноногих, мы с этим никогда не разберемся.

– Всех? Так... И какой возраст кажется вам...

Короче, начиная с какого возраста они будут считаться ненужными?

– Не знаю. Надо поработать над этим, подсчитать. Полагаю, начиная с семидесяти двух или семидесяти трех лет. Надо посмотреть...

– Семьдесят два года?!»

Министр внутренних дел задумался. Было понятно, что он принялся за вычисление, результат которого не вызвал у него оптимизма. «Даже будучи министром внутренних дел, активистом крайне правой партии, – подумал Кузен Макс, – человек всегда остается человеком. Человеком пятидесяти восьми лет. Мальчишкой».

– Вот так. Бофор подсчитал, что жить ему оставалось четырнадцать лет. Это и мало, и много. Я дал ему время пова-

риться в собственном соку, подумать над тем, что его имя может остаться в памяти потомков. Ты даже представить себе не можешь, насколько это важно для сильных мира сего. Даровать свое имя какому-то делу, удачному или неудачному, улице, памятнику, закону, пусть даже самому плохому. А представь себе, какой соблазн связать свое имя с революцией. Все они только об этом и мечтают! И что им за дело до того, что эту революцию вспоминать будут с зубовным скрежетом. На самом деле эта революция заставит людей скрипеть скорее вставными зубами, чем молочными. Подумать только, ведь это ты – инициатор этого катаклизма!

– Я? Шутишь?

– Не совсем... Когда ты рассказал мне о столкновении с машиной того старого пьяницы, я еще колебался, не мог переступить черту. И вдруг раз – щелчок: эта неприспособленность стариков к сегодняшнему миру, который им уже не принадлежит. Вот карта, которой мне не хватало. Поздравляю, кузен!

Поздравления, поздравления, ишь ты какой прыткий! Я вдруг почувствовал, что на мои плечи навалилась огромная тяжесть. Словно на меня спихнули выполнение какой-то грязной работы. Я встряхнул плечами: в конце концов, ничего еще не решено. Бредовые идеи Кузена Макса имели очень мало шансов на претворение в жизнь. Уничтожить стариков! Что-то сюрреалистическое...

Выходя из ресторана, я испытывал особое удовольствие от того, что отведал мяса, которое было куда теплее, чем то, что лежало на тарелке моего кузена. Несмотря ни на что, я рискнул провести одно математическое действие. Четыре в остатке, один в уме. Между семьюдесятью двумя и двадцатью восемью времени было еще достаточно много.

3

С ощущением тяжести на плечах и погруженный в мрачную эйфорию, из «Паломба» я отправился в «Регалти», служившее мне прибежищем в праздные дни. Весь мой отпуск, сорванный вандейским выпивохой, мне придется таскаться по пустующим бистро в поисках замены Софи. Франсуа и Пьер, такие же бездельники, как я, резались во флиппер, перед ними стояли полупустые кружки пива, рядом лежали дымящиеся сигареты. Просто какая-то лубочная картинка, правда, написанная в ХХI веке и в десятом округе.

По дороге, осматривая окрестности, я понял причины этой эйфории: я знал очень важную тайну, которую кроме меня знали только министр и глава его кабинета. Только мы втроем во Франции знали, что на лысые черепа вскоре должна была обрушиться буря. Возможно. В двадцать восемь лет этого достаточно для того, чтобы вскружить голову. Я поклялся держать язык за зубами. Но это не могло помешать мне в ходе разговора делать намеки, говорить иносказательно о том или ином аспекте проблемы... Играть таким образом с огнем, заманивать собеседников на поле, которое было заминировано, а они об этом не знали. Так я чувствовал себя менее одиноким и более сильным. Всомогущество того, кому кое-что известно и он знает, что это неизвестно больше никому.

Развалившись в креслах на террасе, мы любовались на замедленную жизнь парижского лета. Можно было подумать, что все они сговорились: спустя минут десять какая-то старушка позволила своему бассету нагадить на тротуар, какой-то старик перешел улицу прямо перед носом автомобилиста, к счастью, бдительного, – стекло опускается, звучит ругательство, пожимание плечами, стекло поднимается, яростное нажатие на педаль газа; двое античных провинциалов вывели из себя какую-то домохозяйку: она в седьмой раз подряд объясняла, как им удобнее всего добраться до кладбища Пер-Лашез.

– И можете там оставаться, никто о вас не пожалеет, – проворчала она им вслед, возвращаясь к своим пенатам.

Случай представился слишком хороший. И я начал разговор:

– Как все же много проблем со стариками...

– Со стариками? Стариков на свалку!

Для Франсуа, по крайней мере, все было ясно. Надо будет познакомить его с неким главой кабинета.

– На свалку? Почему? Что они тебе сделали?

– Мне лично – ничего. Но они меня изводят. Заставляют терять время в банке, в магазинах. Когда я за рулем, они выматывают все нервы. Стоит им слово сказать, им кажется, что на них наезжают. Они получают вдвое больше, чем я, а мне приходится вкалывать, чтобы набить им карманы. На свалку их, и все тут!

– Не преувеличивай, Франсуа!

Привыкший противоречить всегда во всем, Пьер принял-ся защищать стариков, но без убежденности, скорее всего умеренно. Нельзя сваливать всех стариков в одну корзину, среди них есть умные, добрые, некоторые из них бывают полезными, вот не далее как вчера один старичок угостил его в баре, да, он был пьян, но все равно сделал это, явно из лучших побуждений.

Я подумал, что в качестве адвоката Пьер причинял бы своим клиентам намного больше вреда, чем Франсуа в качестве обвинителя.

– Смотри-ка, вот и Люси... Не стоит говорить, но на эту малышку приятней смотреть, чем...

Приятная для просмотра девушка оказала нам честь, остановившись рядом с нами. Она согласилась выпить с нами, но по-быстрому, потому что ее ждала бабушка, чтобы пойти по магазинам. Я не выдержал...

– Сколько лет твоей бабушке?

– Бабуле? Семьдесят восемь, кажется.

– А... И как она? Я хочу сказать, добра ли она, мила? Или ее надо выбросить на свалку? Тут есть две спорящие стороны...

– Вы с ума сошли? Могу поспорить, вы выпили лишнего... Бабуля для меня не просто бабушка, она моя настоящая подруга. У нее отличная рыбалка. Знаете, что она сделала в прошлом году? Отправилась одна в Марокко. Пришлось

уговаривать ее взять чемодан на колесиках вместо привычного для нее рюкзака! Вам бы ни за что такого не сделать... Ладно, пойду, не хочу заставлять ее ждать. Спасибо за вино... И да здравствуют бабушки!

Я сильно продвинулся! Мой опрос общественного мнения начался с открытия банальных истин. От Франсуа до Люси расстояние оказалась немалым и непростым. Кузену Максу нравилось то, что я держал его в курсе всех уличных слухов, но из этого моего расследования на месте он не сможет извлечь выгоды!

Впрочем, он меня едва слушал: он был занят уткой, которую намеревался съесть до того, как она остынет. Он слегка пожурил меня, когда я рассказал ему о разговоре в «Регалти». Это было преждевременно, а значит, бессмысленно.

Я все-таки закончил свой рассказ здравицей в честь бабушек, но воздержался от выводов. Потом склонился над моим чуть теплым антрекотом, стараясь не нарушать молчания главы кабинета. Разговор, который состоялся у него утром с министром, сделал его задумчивым. Ему это очень шло. Задумчивость накладывала на его лицо отпечаток некой невинности, даже простодушия, делая его моложе, придавая ему вид мальчишки, с которым можно дурачиться. Чтобы стать безукоризненным во всех отношениях, Кузену Максу только и не хватало что этой искры во взгляде и задумчивости на лице, которое все еще продолжало оставаться детским. Именно этой искры не хватало, и когда Кузен Макс становился

рассеянным, уходил в себя. Что же касается всего остального, то придраться было не к чему. Стройный силуэт, мужественные черты лица, смягченные голубыми глазами и аппетитным ртом, обязательный итальянский костюм, чью технократическую серость он оживлял пестрым шелковым галстуком, нередко со смелыми мотивами. Это было единственной смелостью человека, за которого любая любящая мать мечтает выдать свою дочь. И любопытный до всего, и внимательный ко всем и к каждому. Откровенно говоря, он был мужчиной на все сто.

Он задумчиво вытер губы, улыбнулся – мясо было что надо, оно всегда должно быть горячим. Я надеялся услышать от него нечто другое, но у глав кабинетов тоже есть свои маленькие слабости. А этот не пренебрегал радостями мясоедства и, как мне было известно, любил ставить собеседников в тупик фразами, которые не относились к теме разговора.

На самом деле Кузен Макс сгорал от нетерпения. Он продолжал молчать только для того, чтобы насладиться сладкими минутами, которые предшествовали выдаче особо важной информации. А заодно поиграть со мной, на моих нервах доверенного человека, поскольку, несмотря ни на что, я начал относиться к этому делу серьезно.

Бофор вызвал его к себе рано утром. В его поведении Кузен Макс уловил некую торжественность, а в его обходительности – некое смущение. Складка между бровей выдавала большую озабоченность человека, привыкшего к превратно-

стям судьбы. Он спросил у главы своего кабинета, не имеет ли тот ничего против того, что в беседе примет участие Тексье, его личный советник, преданный ему человек, существо столь же умное, сколь и извращенное, которому Кузен Макс верил лишь наполовину.

– Сигару, Майоль?

– Сигару? Нет, спасибо, я не курю, но вы...

– Я тоже не курю. Вернее, я раньше не курил... Но теперь, между нами, не вижу причин отказать себе в этом удовольствии... Если мне жить осталось всего двенадцать лет, – не так ли? – я не стану ограничивать себя...

Он попытался весело посмеяться, но это у него явно не получилось. Может быть, из-за дыма или с непривычки. Кроме того, он сгустил краски: десять или двенадцать лет! Даже если человек не уметь считать в уме, но он никогда не ошибется, подсчитывая продолжительность собственной жизни. Или же в этом был другой смысл. Но все это ни о чем не говорило Кузену Макс.

– Скажите, Майоль, вы ходите на мессу?

– На мессу? Если честно, больше не хожу.

– О, виноватый тон ни к чему. Знаете, а вот я хожу каждое воскресенье, я вынужден это де лать – почесывать моих избирателей там, где у них чешется, иначе... Короче говоря, по воскресеньям я хожу на мессу. И всегда все шло нормально, я даже испытывал от этого некоторое удовольствие – молитва священника, игра органиста или звуки хора, перспекти-

ва вкусного обеда... И вот все кончилось!

– Что именно кончилось?

– Что кончилось? Ушло мое душевное спокойствие. В церкви я чувствую себя посторонним, предателем. Кстати, вы будете смеяться, но в последний раз, то есть позавчера, у меня даже было видение: вы знаете церковь Сен-Мишель-де-Льон? Там в глубине алтаря стоит огромная фигура распятого на кресте Иисуса. Так вот, я собственными глазами видел, как он показал мне кулак. К счастью, правой рукой, не хватало еще, чтобы он показал кулак левой руки! И все это оттого, как сами понимаете, что после нашего прошлого разговора я не могу понять, что со мной происходит.

Я потерял сон, забросил текущие дела. Вы победили: червь пробрался в плод.

– Я не хотел...

– Дайте мне закончить. Известно, что есть два вида тайн. Есть слишком хорошие тайны, чтобы их скрывать от других. Есть слишком важные тайны, которые человек скрывает в себе. Я, таким образом, немного разгрузил свое сознание, поделившись тайной с двумя людьми: с Тексье, который сейчас выскажет вам свою точку зрения, и с отцом. Моему отцу сейчас восемьдесят два года, его этот вопрос касается в первую очередь, не так ли? Я его очень уважаю и люблю. Я всем ему обязан. В свои восемьдесят два года он сохранил живость ума и сообразительность, которой даже я завидую. Он выслушал меня, не произнес ни слова, потом надолго

погрузился в задумчивость. Он заглянул мне в глаза. Никогда не забуду этот взгляд. Я не знал, куда деться, никогда в жизни мне не было так стыдно. «Мальчик мой, – сказал он мне, да, он продолжает звать меня мальчиком, короче: – Мальчик мой, ты занимаешь такой пост, на котором состояние души уже не имеет никакого значения. Ты должен задать себе вопрос, единственный: пойдет ли это на благо страны?» И это еще не все. Видя мое вполне понятное смущение, он добавил: «Знаешь, мой мальчик, я еще вполне здоров, у меня еще есть планы, но, если нужно, я готов пожертвовать собой, чтобы стать примером. Ради успеха твоего предприятия. Ради спасения Франции...»

Отвернувшись к окну, Бофор сдерживал рыдания, столь неожиданные для министра, которому справедливо или нет, но, скорее всего, справедливо, приписывали инициативу принятия самых грязных решений. Можно было услышать жужжание мухи. Странная это была картина: позолота на деревянных украшениях, хрустальная люстра, ковры ручной работы – и трое смущенных мужчин. Кузен Макс чувствовал, что переживает редкий момент, цена которого соответствовала напряжению, волнению, а главное принятию участниками разговора решения восстать против истории.

– Говорите, Тексье.

Тот немного помолчал, откашлялся в кулак, чтобы прочистить горло. И сделал это трижды, должным образом извинившись. Затем он поправил отвороты рубашки, сменил по-

ложение ног. Честно говоря, он явно тянул время, поскольку испытывал затруднения, над которыми никто и не думал насмеяться. Он проверил положение своей серьги, неожиданного украшения для личности его положения и его возраста, наличие которой можно было объяснить только желанием отвлечь внимание от венца седых волос вокруг лысины. Потом потеревил бородку времен Второй империи. Этого человека явно раздирали противоречия между тем, кем он был на самом деле, то есть стариком, и тем, кем он хотел быть, то есть советником, находящимся в гуще событий, в постоянном контакте с современностью и следящим за развитием нравственности. Оставаясь при всем этом ловким, хитрым и упрямым. Короче, опасным. Потянув таким образом время, советник перешел к делу:

– Я не привык ходить вокруг да около: если я скажу о потрясении, с которым я отношусь к этому делу, это будет неким эвфемизмом. Когда человек теряет сон, он выигрывает в том, что может посвятить больше времени на раздумья. Я всесторонне изучил эту проблему. Проект, который вы нам представили, Майоль, ужасен, кошмарен. С этим невозможно согласиться, это противоречило бы самим основам человеческого достоинства. Вы попросили меня высказать свое мнение, господин министр, и я вам его излагаю: я поддерживаю этот проект. Я голосую за ужас, потому что считаю, что у нас нет выбора. Надо смотреть в будущее. Страна уже находится в тупике. А если рассматривать отдаленную пер-

спективу, то можно сказать, что мы идем к катастрофе. Или к американской карикатуре, где укрепленные города переполнены тысячами стариков, которые стараются потратить в своем кружке свои доллары, отгороженные от мира крепостными стенами и полицейскими в форме. А нищие вычеркнуты из жизни, они живут в бидонвиях или в крысиных норах. Франция не создана для неравенства общества. Она штурмовала Бастилию не для того, чтобы дойти до этого. Так почему же тогда не попробовать пойти другим путем? Найти новую концепцию жизни, отдать приоритет молодежи. Сделать так, чтобы старики умирали более молодыми, если можно так выразиться. Возможно, что эта гипотеза и не так уж и отвратительна! Вот так! Я изложил вам свою точку зрения, хотя она стоит мне больших нервов. Остается только рассмотреть все проблемы, которые будут порождены этим решением: есть опасение, что они могут оказаться непреодолимыми.

Речь советника возымела свое действие. Никто не посмел ничего добавить. Заговорщики оказались у подножия стены. Заложив руки за спину, оставив сигару на краю пепельницы, Бофор ходил от одного окна к другому. Как всегда, одежда страдала от его движений. Край рубашки выбился из-под ремня и свешивался над брюками как приспущенный флаг. Никто не позволил себе сделать ему замечание на этот счет: чем больше рубашка билась на ветру, тем сложнее становилась ситуация. Всякий раз, проходя мимо окон, он смот-

рел на улицу, где суетились прохожие. Старики, совершенно не подозревавшие о наказании, которое им готовилось, наслаждались теплом дня, расспрашивали новости о ком-то из своих товарищей, одобряли программу телевидения. Держались за жизнь всеми своими старческими зубами.

Министру было необходимо снова взять ситуацию под контроль, сделать выводы из столь ужасного предложения. Принять решение.

— Господа... положение не очень радостное, хотя и ясное. Надо идти вперед... Принимать решение немедленно кажется мне преждевременным. У нас не хватает исходных данных. Майоль, даю вам поручение, которое, само собой разумеется, должно храниться в строжайшей тайне. Это государственная тайна. Соберите команду из надежных людей и представьте мне полный план. Впрочем, когда вы сообщите мне состав этой команды, я хотел бы переговорить лично с каждым. Осторожность никогда не помешает. Представляете себе скандал в случае утечки информации? Ваш проект, Майоль, должен основываться на реальных цифрах. Тексье в вашем полном распоряжении. Когда у меня на столе будет ваш отчет, придет время определить последующие шаги. Премьер-министр, президент... мои коллеги... Законопроект. Но сенат?! Никогда сенат его не пропустит, они все там семидесятилетние старцы... Мы сейчас находимся в самом начале нашего пути...

Покидая кабинет Бофора, Кузен Макс вдруг осознал, что

входил туда в качестве главы кабинета, будучи инициатором законопроекта столь же смелого, сколь и ужасного. А вышел оттуда в качестве простого руководителя группы по разработке законопроекта столь же смелого, сколь и ужасного, инициатором которого стал его начальник. Технократам тоже не чужды душевные порывы.

Но порывы собственной души этот технократ умел усмирять. В конце концов, даже если с него стянули одеяло, он продолжал дергать за ниточки. Он доведет свой бой до победного конца. А для начала надо будет активизировать работу, создав как можно скорее секретную рабочую группу.

— Мне нужен будет старик для защиты интересов пенсионеров, а также экономист, специалист по вопросам здравоохранения и два парламентария. И ты.

— Я? А я-то что буду делать на этой галере?

— Играть роль простака. Это необходимо. А также представлять молодежь. Твои отношения с родителями кажутся мне образцом современной тенденции: конфликты, непонимание, отсутствие финансовых интересов... Я настаиваю на твоём участии...

Он настаивал на моем участии! Ведь я в жизни ничего еще не сделал, а теперь вдруг должен буду размышлять о том, как лучше всего распорядиться жизнью другого. Я, который никогда не имел никаких идей ни по какому поводу, должен буду способствовать изменению сложившегося порядка вещей.

– Не отчаивайся, – сказал в заключение Кузен Макс, – я не требую от тебя достать с неба луну. Ты сможешь свободно и просто обо всем высказываться. Очень часто истина исходит от посторонних людей. А потом, эта группа будет неофициальной. Ее не существует, у нее нет никакого законного прикрытия, ее предложения никого ни к чему не обязывают. Это будет просто кружок для свободного обмена мнениями, что, как я надеюсь, позволит нам лучше разобраться в этой ситуации.

Я навсегда запомню первое заседание группы, которой было поручено сверхсекретное задание. Каждого члена группы Бофор, как и обещал, сумел убедить в секретности, даже в святости дела, в котором они были призваны принять участие. Сутулясь, напряженно озираясь, счастливые избранники ломали голову над тем, с каким соусом их собирались съесть. Кузену Максуду удалось избавить меня от беседы со своим шефом. Я для министра был, разумеется, слишком мелкой сошкой, а Кузен Макс заверил его в моем молчании.

Для большей таинственности наша группа никак не называлась. Ни ячейкой по разработке того-то, ни комитетом по выработке сего-то, ни как-то по-другому. Никак. Кузен Макс не был анонимным разработчиком никакого призрачного законопроекта, а члены рабочей группы, которые сегодня собрались под его крылом, не собирались ничего обсуждать. Сделать все это более таинственным было просто невозможно.

Поэтому в ту первую субботу сентября четверо из шести членов фантомной рабочей группы мирно сидели в своих креслах и не догадывались о том, что на их головы должно было рухнуть небо.

Осторожный Кузен Макс начал издавека. Он подчеркнул

традиционную сверхтерпимость политических классов, указал на заблуждения различных правительств Пятой республики⁴. С установлением Шестой республики и ее первого коалиционного правительства французский народ надеялся на принятие действенных мер. Он вернулся к выходу на пенсию исходя из двух показателей: переполнение больниц и домов престарелых. Он указал на старение нации на три месяца в год и что в 2040 году продолжительность жизни станет равной восьмидесяти девяти годам для женщин и восьмидесяти трем годам для мужчин: представляете, что будет? Он нарисовал настолько мрачную картину будущего Франции, что оба депутата полезли за носовыми платками, а представитель растратчиков государственных средств весь как-то сжался в своем кресле.

– Следовательно, государство должно на это как-то реагировать. Но что можно сделать? Мы собрались здесь для того, чтобы поразмыслить и найти решение. Я буду резок, но мы должны посмотреть правде в глаза. Единственным решением может стать сокращение продолжительности жизни французов. До семидесятилетнего предела. Допускаю, что это высказывание может вас шокировать. Примите это как есть: за простую рабочую гипотезу. В любом случае, решение принимать не нам. Посему не напрягайтесь, давайте начнем игру в «за» и «против». Из этих стен ничего не выйдет.

⁴ Республика во Франции после принятия действующей конституции 1958 г., подготовленной правительством Ш. де Голля.

– Господа, имею честь откланяться, я не убийца! Мартинез, депутат от департамента Эн, начал собирать свои вещи. Щеки его покраснели от гнева, с губ слетали полные негодования слова.

– Постойте, Мартинез, вы меня не поняли: вы здесь вовсе не для того, чтобы приговорить людей к смерти. Мы собрались, чтобы обсудить преимущества и недостатки этой меры, согласен, довольно скандальной. Если вы против нее, оставайтесь и защищайте вашу точку зрения. В споре должны быть разные точки зрения. Ваше мнение будет принято во внимание.

Коллега Мартинеза, депутат от департамента Верхняя Сена по фамилии Лапорт, отреагировал более спокойно. Он сразу же перешел к сути:

– Эта мера должна будет коснуться и политических деятелей?

– Разумеется.

– Отлично. Рабье, мой противник из социалистической партии, на восемь лет старше меня. Я голосую «за»! Шутка... Но не совсем. Если серьезно, то я согласен принять участие в этой рабочей группе. Не знаю, к чему мы придем, но тема довольно интересная. Это самое малое, что можно сейчас сказать.

– А вы, мсье Фонтанилас?

Поль Фонтанилас, вышедший в отставку государственный служащий, которому было всего шестьдесят пять лет, с тру-

дом приходил в себя от вступительной речи Кузена Макса. Он принялся сбивчиво говорить что-то о западне, о Лиге прав человека, о расизме по отношению к старикам. И закончил тем, что поинтересовался, у кого из организаторов хватило цинизма пригласить на совещание будущего осужденного на смерть.

– Повторяю, мсье Фонтанилас, мы собрались здесь для того, чтобы спорить. Это же очевидно, необходимо знать мнение всех, как молодых, так и пожилых. А каково ваше мнение, мсье Гандон?

– О, знаете, оторвавшись от моих расчетов... Оторвавшись от своих расчетов и своих пирушек, он продемонстрировал всем свою откормленную фигуру.

– Я бы добавил, что мне известно, что тот возраст, который вы упомянули, очень дорого обходится государству. Ужасно дорого. Но у меня при себе нет этих документов. Я не знал, что они могут понадобиться. В следующий раз обещаю прихватить.

– Договорились! Я и не думал начать нашу работу именно сегодня. Имелось в виду просто обозначить тему и провести организационно-ознакомительное совещание, которое я сейчас закрою, представив вам вот этого молодого человека. Вы о нем не слышали, но это пока. Как вы уже догадались, он будет представителем молодого поколения. Таким образом, каждый из нас будет представлять кого-то. Но это совсем другая история. Встречаемся здесь же, если вы не про-

тив, через две недели. А пока, хотя эта рекомендация кажется мне излишней, постарайтесь поразмыслить над тем, о чем мы здесь говорили. Найдите доводы «за» и «против». И, наконец, я не устаю напоминать вам о конфиденциальности наших разговоров. Мне известно, что наш министр внутренних дел уже поговорил с вами на этот счет...

Так и было сделано. Дело стало продвигаться с частотой заседаний два раза в месяц. К большому удовольствию Кузена Макса, члены рабочей группы включились в эту игру смерти – это было больше чем игра случая, – а до меня наконец дошло, что меня она касалась не меньше, чем других. До этого момента я полагал, что это было всего лишь игрой в красноречие, оживленной, иногда занимательной дискуссией на отвлеченную тему: старики. Старики и друзья, с которыми я осторожно обсуждал эту тему, разделяли мою точку зрения, хотя не принадлежали к моему миру. Они были где-то за гранью общества, мы встречались, с кем-то говорили, но все было так, словно мы не видели друг друга, они исчезали сразу же после встречи.

А потом было выступление толстяка Гандона, который представил математические выкладки, работал день и ночь, потому что не хотел выглядеть глупцом:

– Семьдесят два. Семьдесят два года. По нашим расчетам, поскольку мне пришлось поработать с моими коллегами, не раскрывая целей сбора данных, так вот, по нашим расчетам,

точка равновесия находится где-то около семидесяти двух лет. Сейчас я дам вам пояснения. Если исходить из среднесрочной перспективы, скажем, к 2040 году активное население будет насчитывать не более восьмидесяти миллионов шестисот тысяч человек. Число пенсионеров удвоится. Если мы хотим сохранить минимальную пропорцию – один пенсионер на два с половиной человека трудового возраста, – придется делать выбор: или использовать иммигрантов для удвоения активного населения – что означает привлечение в страну по пятьсот тысяч иммигрантов в год в течение сорока лет – ситуация маловероятная по многим причинам, – или же сократить численность пенсионеров. В том же 2040 году Франции придется кормить около девяти миллионов лиц в возрасте от семидесяти двух лет и старше. Если я вычту их из общего числа пенсионеров, то можно справиться. Вот все, что касается пенсионеров. Это довольно показательно, но это еще не все. Я сейчас приведу вам еще одну цифру, прошу обратить внимание, что любые прогнозы в этой области всегда условны. Однако всем известно, что с возрастом затраты на лечение возрастают. Мы подсчитали, что ежегодно на потребление лекарств и медицинских услуг десяти миллионов наших стариков сумма затрат возрастает до ста тридцати пяти миллиардов франков. Да, в этой цифре я уверен, сто тридцать пять миллиардов в год. Знаете, это неудивительно: когда человек становится старше, он подхватывает больше болезней, чем в молодом возрасте, а достижения

науки позволяют им умирать намного медленнее, чем раньше, то есть оставаться больными гораздо дольше. Вам может показаться, что я шучу, но это действительно так. Но это касается только расходов, так или иначе связанных с болезнями. Надо добавить сюда расходы, связанные с зависимостью от лекарств. Персональное пособие по автономии, которое с 2001 года пришло на смену специальным региональным выплатам и было проведено через парламент в 1997 году правительством левых, обходится государству и департаментам примерно в пятьдесят миллиардов. Не хочу монополизировать право выступления, эти цифры являются только частью обсуждения, но могу без труда найти пятнадцать миллиардов, которых не хватает для ровного счета: двести миллиардов в год. Сюда можно отнести экономические затраты на тех, кому больше семидесяти двух лет. Повторяю, речь идет только о среднесрочных прогнозах. Но среднесрочная перспектива – это уже очень скоро. А сегодняшняя их стоимость не так уж от нее и далека.

Директор исследовательского отдела Центра статистики экономики здоровья привел сумму потерь. Со своим лицом гурмана и пузиком гурмана, с перекошенными очками и пальчиками, привыкшими листать толстые, как словари, дела, он с наивной простотой швырнул на середину комнаты пару гранат. Двести миллиардов и семьдесят два года.

Каждый из нас по-своему заполнил наступившее молчание. Оба депутата уже слышали звяканье золотых монет.

Они быстренько разделили двести миллиардов на сто департаментов Франции. Будет чем пополнить предвыборные обещания! Кузен Макс предпочел представить себе восклицания, которые должен будет испустить Бофор, его призывы продолжить работу в этом направлении. Старик Фонтанilas помимо своей воли уже слышал свист падающего на шею лезвия гильотины. Он задавал себе вопрос, успеет ли он услышать звук удара ножа по дереву. Сколько на это понадобится времени? Десятая доля секунды или того меньше?

У меня в ушах раздавались стоны отца: ему был уже шестьдесят один год, он был в прекрасной физической форме, а пример его предков, большинство из которых дожили до столетнего возраста, наполнял его вполне понятным оптимизмом. Я дал себе слово, что не буду больше ругаться с отцом до конца его жизни, которая могла оказаться укороченной.

Но благие намерения долго не живут.

Когда я прибыл на четвертое заседание группы государственной важности, настроение у меня было собачье. Я поцапался со своим боссом – я тогда работал временно по договору в конторе продаж аксессуаров к телефонам, – разругался с отцом, который отказался ссудить мне деньги на оплату квартиры, разругался с хозяйкой квартиры, которая устала ждать оплаты своих счетов. Три старика. Я сел, как всегда, слева от входа спиной к окну. Место было не самое лучшее, но, как я потом убедился, регулярность проведения собраний способствует выработке у людей привычки к месту, – извините, это мой стул, ах, да, простите. Поэтому я сел на свое место, думая, что к семидесяти двум годам, возможно, стану более любезным.

Третье заседание не принесло ничего нового. Мы остановились на цифрах Гандона, он их подтвердил, а в связи с отсутствием обоих депутатов, по причине внепланового заседания Национального собрания, Кузен Макс собрание закрыл.

Сегодня группа собралась в полном составе. Поприветствовав присутствующих, Кузен Макс открыл свое досье, полистал его с элегантною рассеянностью. В этом досье виртуально лежали несколько миллионов приговоренных к смер-

ти людей.

– Предлагаю начать рассмотрение ряда аспектов... скажем так, социального плана нашей проблемы. До сегодняшнего дня мы в основном занимались цифрами. Занятие это было, разумеется, тяжелым, но столь важные решения не могут быть приняты только по финансовым соображениям. Человеческий фактор представляется не менее важным. Возможно, даже более важным. Я не устану повторять, что мы собрались тут не для того, чтобы принимать решение, а для того, чтобы отчаянно спорить и обсуждать. Не бывает плохих мыслей, плохим бывает только молчание.

– Значит, – включился в разговор Лапорт, – мы должны играть по этим правилам? Что ж, давайте играть...

Мнения участников рабочей группы были двойственными. За исключением предка, для которого все было ясно, – он уже говорил о геноциде, обо всем что угодно! – все продолжали определять свою позицию по этому вопросу. Разрываясь между экономическими выкладками Гандона и угрозой потери с таким трудом набираемых голосов, пособие там, обед для стариков сям, депутаты продолжали испытывать трудности в выражении своих мыслей и определении своей позиции. Как только мы перестали обсуждать его цифры, Гандон погрузился в себя. Да, он мог размышлять не хуже других, он чувствовал себя даже в состоянии высказать свое мнение, и его мнение было бы услышано, как и мнения других, но что вы хотите, это было сильнее его, он счи-

тал, что никакой аргумент не может устоять перед логикой цифр. А после изложения цифр к чему дискутировать? Логика цифр есть логика цифр! Но эта логика цифр смешила старика Фонтаниласа. Но с цифрами можно было заткнуть рот Парижу. Время от времени он спрашивал себя, какого черта он делает в этой рабочей группе? Он дал честное слово сохранять все в тайне, но не стеснялся признаваться в том, что ему очень хотелось рассказать обо всем прессе, о про-исках какой-то горстки безумцев... Куда мы идем, Господи, куда же мы катимся?

Настроение у старика было не лучше моего! Неужели один из его молодых квартиросъемщиков не заплатил вовремя деньги за аренду? А может быть, один из внуков попросил дать ему денег?

– Наконец, вместо того, чтобы подсчитывать ваши миллиарды, которые ничего не стоят, не лучше ли вам задуматься на секундочку над тем, чем станет Франция без своих стариков? Я уже не говорю об уважении, которое они заслужили за все, что уже сделали для страны своим трудом, своей преданностью, своим талантом. Нет, я говорю о тех, кто продолжает это делать. Потому что старики, как вы говорите, господа, не все немощны, дряхлы, изношены и бесполезны. Хотите, я составлю список стариков, которые и сегодня являются славой Франции, – ученых, предпринимателей, артистов? Известно ли вам, что в Японии предприятия чудесным образом принимают на работу седовласых пенсионеров, чтобы

они могли передать знания и умение жить молодому поколению? Вы отдаете себе отчет в том, какого богатства вы собираетесь лишиться страну?

– Я в первую очередь отдаю себе отчет в том, каких богатств лишают нас старики. Возьмите Лазурный Берег: кто там живет, кому принадлежат виллы, участки? А в это самое время молодые люди собираются кучками в предместьях.

Своевременность и глубина моего выступления показали мне заслуживающими снисхождения, но мое взвинченное состояние не дало мне возможности выступить более обдуманно. Я услышал одно высказывание накануне в «Регалти»: хозяин заведения поделился с нами мечтой о выходе на пенсию и о проживании в департаменте Вар. Франсуа обвинил его в том, что он мешает молодым. Как бы то ни было, моя выходка принесла мне облегчение, помогла выпустить пар на этого старика и ему подобным. Кузен Макс поспешил разнять спорщиков:

– Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Вы только что высказали, мсье Фонтанилас, очень интересный довод. Я искренне разделяю вашу точку зрения, среди наших пожилых людей многие еще полны как физических, так и умственных сил, некоторые из них все еще продолжают приносить пользу стране, с этим нельзя не согласиться. Но обстановка может быстро осложниться: представим себе, что будут приняты эти меры, касающиеся лиц семидесятидвухлетнего возраста и старше. Кого они должны будут коснуться? Всех? Только

инвалидов? Только лиц с расстройствами умственной деятельности? А если так, каких именно инвалидов, каких ма-разматиков? Сами понимаете, возникнет несправедливость.

– А, по-вашему, отправить на бойню ученого в полном расцвете сил, актера в расцвете таланта было бы справедливо? В конце концов, справедливость могла бы руководствоваться мудростью: вспомните о примитивных обществах, где старики порой становились обузой, с которой племя не могло справиться. Когда те понимали, что ставят под угрозу баланс клана, старики сами уходили. В других племенах практиковали испытание кокосовыми пальмами, самые здоровые выживали.

– Вы полагаете, что если мы в 2012 году во Франции бросим клич добровольцам, то добьемся большого успеха?

– Я этого не говорю, но настаиваю на том, что нельзя жертвовать теми, кто еще может положить свой камень в здание общества. Уничтожить целую прослойку населения – это хуже чем преступление, это ошибка! И в то же время преступление, ужасное преступление. Мы вернемся к самым темным периодам истории человечества, ко временам нацистской Германии, Камбоджи, Руанды...

Мартинез, которого мы еще ни разу не слышали, рискнул высказаться. По тому, как он поглаживал бородку, – за эту бородку его не раз критиковали коллеги по НФП, с ней он походил на депутата от социалистов времен восьмидесятых годов, но которую он защищал, как самый главный козырь,

считая ее ловушкой для левого электората, — не могло быть никаких сомнений в правоте его слов. И я не ошибся.

— За те два месяца, что я участвую в этой работе, у меня отрылся новый взгляд на многие вещи. Полагаю, что и у вас тоже. Мы имеем дело с событиями, на которые раньше не обращали никакого внимания, начинаем по-новому смотреть на многое. Так, на прошлой неделе я посетил хоспис, больницу и дом престарелых. Возможно, это всего лишь рутинная работа с электоратом, но на этот раз я не ограничился рукопожатиями и улыбками. Я посмотрел, послушал этих нищих, этих покинутых семьями стариков, узнал об их одиночестве. Я понял, что такое дом для умирания. Известно ли вам, что трое из четырех пожилых людей умирают в лечебном заведении? И, не ставя под сомнение компетенцию и преданность своему делу медицинского персонала, я утверждаю, что умирать в таких условиях просто страшно. Уезжая оттуда, я подумал, что умереть в добром здравии, возможно, не так уж и плохо... Не смейтесь, моя формулировка может смутить, но парадокс только внешний. Мера, которую мы рассматриваем, позволила бы людям умереть в уважении и равенстве. Если бы я выступал перед публикой, я упомянул бы также и братство, но здесь не вижу повода для этого...

— В том, что ты сейчас сказал, коллега, нет ничего смешного. Осуществленное наконец равенство перед смертью... Вновь обретенное достоинство: тебя больше не считают бегущим от дамы с косой, ты знаешь дату смерти, у тебя есть

время собраться, подготовиться. Это уже немало.

Политики вечно испытывают потребность в семантических перегибах. От достоинства до братства, и если им верить, то старики должны будут обеими руками проголосовать за свой смертный приговор. Мартинез поблагодарил Лапорта, а заодно принялся лить воду на мельницу Кузена Макса.

— Их так много в специализированных заведениях потому, что им становится все труднее приспособиться к современному миру. В моем департаменте старые деревни исчезают. Больше нет ни магазинчиков поблизости, ни развлечений на местах. Если у тебя нет машины, то тут ничего и не поделаешь.

— Кроме того, это экономия, государство могло бы направить эти средства на молодежь. Не все двести миллиардов, конечно, поскольку надо принимать во внимание то да се...

Это заявил Гандон, он проснулся и вознамерился подбросить хвороста в костер. Это был предел всему. Загнанный в угол старый олень грозно опустил рога. Он собирался дорого продать свою шкуру.

— Чем больше я вас слушаю, тем больше убеждаюсь в том, что имею дело с больными на голову. С кем вы хотите свести счеты: с вашими родителями? Сами с собой? Я хотел бы напомнить еще о двух аспектах. Хотите вы того или нет, но старики — память народа. Уничтожите память, исчезнет и народ. Вы забыли еще кое-что, по крайней мере мне так кажется:

вы спорите, вы шутите, вы готовитесь приговорить к смерти семидесятилетних. Вы еще относительно молоды. Но пройдет время, и, когда приблизится роковая дата, вы наверняка будете кусать себе локти. Но будет слишком поздно.

Добавлять здесь было нечего. Я хотел бы сказать, что одним из положительных последствий этой меры будет то, что старики станут более молодыми. Но промолчал, испугавшись, что меня неправильно поймут. Я был также удивлен тем, как мало доводов было высказано в защиту стариков. Даже выступление Фонтаниласа показалось мне слишком коротким. Но, возможно, я и его плохо понял и поэтому промолчал.

Кузен Макс опустился. Он стал не только регулярно приходить ко мне в «Регалти», но теперь появлялся туда в неподобающей для него одежде. К черту галстук и костюм. Я стал подозревать, что он переживал сложные времена. Но отнюдь не по причине его развода: с тех пор прошло уже несколько месяцев, у него было достаточно времени, чтобы оправиться. Кроме того, чувственная жизнь никогда не была его приоритетным занятием. Он казался вполне искренним, когда говорил, что живет только политикой. Как неправильно было бы не использовать такой потенциал! Физическая форма, положение, умение общаться с людьми, ах, если бы он передал мне хотя бы капельку этого. Я бы не терял время на разработку с моими приятелями по «Регалти» бессмысленных любовных планов. Но когда я видел, как он садится на лавку рядом с нами, пьет вино, которое не заказывал, но от которого не мог отказаться, я понимал, что порученная ему задача лишила его душевного равновесия.

И он, сняв галстук выпускника Национальной школы администрации, слушал собственными ушами, о чем говорили молодые, принимал участие в наших спорах, это давало ему возможность отвлечься от подковерной борьбы в министерстве. Он смотрел, как мы живем, и у меня складывалось впечатление, что он открывал для себя мир поколения, чьим

устремлениям явно не хватало порыва: заработать денег на праздник, на девочек, на шмотки, послушать музыку, а дальше этого дело не шло. Он расспрашивал моих друзей об учебе, о семье, о том, что они ждали от жизни, он докапывался, требовал ответа, помогал им, бросал вопросительно-отрицательные фразы, исполненные надежды: не кажется ли им что? Не стали бы они делать так? Ответы его разочаровывали.

Ему не было необходимости объяснять мне, что он приходил сюда для того, чтобы найти моральную поддержку, необходимую для проведения крестового похода. Он приходил, чтобы найти доказательства того, что молодежь заслуживала принесения ей в жертву предков. Молодежь, господин министр, только и ждет от нас команды вознестись. Она жаждет ответственности, приключений, она ждет, когда ей дадут инструменты для этого. Давайте же дадим их ей.

Он приходил, чтобы поговорить с нами о будущем, а мы рассказывали ему о вчерашней гулянке, о завтрашнем концерте техно-музыки, о рубашке, которую недавно купил себе Пьер благодаря бабушке. Возможно, он выбрал не тех представителей молодежи, не надо было делать обобщений из частных случаев, он возвращался к своему галстуку и к своему костюму полный сомнений, а стаканы красного вина заставляли его покачиваться.

В конце концов он решил начхать на свои сомнения. Прежде всего потому, что иногда ему попадались молодые

люди, порядочные во всех отношениях. И еще потому, что цифры Гандона не учитывали ни концерты техно-музыки, ни стаканы красного вина. С двумястами миллиардами в год свинец можно было превратить в золото. Если молодежь была такая, как она есть, ответственность за это должны нести родители и правительство: они не смогли понять проблем молодежи, проникнуться ее законными чаяниями, угадать ее желания. Все это придется изменить. Франция вновь устремится в светлое будущее со своими молодыми людьми, вставшими на правильный путь, и с ее помолодевшими стариками.

А затем, к черту состояние души, его доклад попал в руки заказчика.

– Господин министр, имею честь вручить вам мой доклад. Наша небольшая группа, как мне кажется, неплохо поработала. Здесь вы найдете подтвержденную цифрами аргументацию и мои предложения.

– Можете изложить это вкратце?

– Вкратце... Это трудно сделать. Могу обрисовать схематично, мы остановились на пределе в семьдесят два года. Это будет означать экономию двухсот миллиардов франков в год. Да, двести миллиардов франков! Да, в год! В этих условиях мы могли бы предусмотреть ряд мероприятий, направленных на пользу молодежи: рабочие места, вовлечение в общественную жизнь, отдых. Мы могли бы также, осмелюсь об-

ратить на это ваше внимание, предложить снизить пенсионный возраст до пятидесяти пяти лет. Это может повлиять на ход обсуждений: семнадцать лет периода дожития в расцвете сил, выход на пенсию, которой можно наслаждаться.

— Действительно, это очень важно... Что вы об этом думаете, Тексье?

Тексье загадочно улыбнулся. Он привлек в свидетели свою серьгу, убедился в присутствии претенциозного бриллианта. Что он об этом думал? Он думал, что господину министру это должно доставить удовольствие. Почему? Да потому что в руках у господина министра проект, восхитительный с точки зрения экономики, спорный с социальной точки зрения и несостоятельный с точки зрения человечности. Подобный законопроект Тексье назвал бомбой. Но не надо его считать противником, лично он за него. А вообще-то... И что мы теперь будем делать, господин министр? Господин министр, чья рубашка жалко колыхалась от ветра, вызываемого его жестикуляцией, был задумчив. Между его бровями пролегла более глубокая, чем обычно, горизонтальная морщина, придававшая его лицу ворчливое выражение. Теперь к ней еще присоединились более классические, то есть вертикальные, подруги-морщины. Этот наморщенный лоб свидетельствовал о ночных переживаниях, о дневных заботах.

— Что мы будем делать? Я могу показаться напыщенным, но считаю, что мы все трое, находящиеся в этой комнате, готовимся вписать основополагающую страницу в историю

Франции. Даже всего человечества, ибо, можете не сомневаться, весь мир будет смотреть на нашу страну. В очередной раз. Мы готовим в некотором смысле революцию в области прав человека. Подумать только, все началось вроде бы с неуместной шутки... Да, Майоль, когда вы впервые заговорили об этом несколько месяцев тому назад, я полагал, что это была шутка. Невеселая шутка, которая могла привести скорее к потере электората, чем помочь процветанию страны. А затем эта идея проделала свой нелегкий путь, с ней свыклись, стали рассматривать ее преимущества, недостатки оказались незначительными и постепенно отошли в сторону. И теперь, даже не отдавая себе отчета, мы оказались перед свершившимся фактом. Но вся проблема в том, что только мы втроем понимаем бесспорную необходимость этих мер. Этого мало... Самое трудное впереди. Но чем больше я об этом думаю, и Господь свидетель, я думаю об этом постоянно, тем больше я убеждаюсь в том, что мне не хватает смелости решиться на это. Да, это решение необходимо, мы должны через это пройти. И когда разговор идет об абстрактных понятиях, о финансовом балансе, о возрастании производительности, о субвенциях молодым, все в порядке. Но когда мы понимаем, что все это означает конкретно, как не отступиться, как не отчаяться: ведь мы приговариваем к смерти миллионы людей, чье преступление лишь в том, что они дожили до возраста семидесяти двух лет. Родители, друзья. Об этом вы подумали? Представили ли вы глаза своей матери,

когда придет ее час? Ах, к этому я никогда не привыкну. И все же... Могу вам признаться: не хотелось бы мне оказаться на моем месте! Я знаю, что говорю... Иногда у меня возникает желание покинуть мой пост. Уйти в тень. Пустить себе пулю в голову. Но только иногда. Уверяю вас, я согласился занять этот пост вовсе не для того, чтобы проводить страусиную политику. Никогда не думал, что придется оказаться перед такой дилеммой. Но я здесь, я не могу бежать от ответственности. Потому что понимаю – коллеги по правительству не захотят пачкаться, премьер-министр тем более. Они предоставят мне выполнить эту грязную работу. Все взвалият на меня! Давайте, давайте, хватит разглагольствовать... Вы спросили меня, Тексье, что мы теперь будем делать? Запустим машину... Как? Жду ваших предложений. Да, Тексье?

– Майоль, какова была позиция двух депутатов, которые работали в вашей рабочей группе?

– Депутатов? Скорее всего положительная. Они вначале возмущались, особенно Мартинез, что совершенно понятно, поскольку в его департаменте очень много пожилых людей. Но постепенно, особенно после того, как им под нос сунули цифры, рассказали о возможных выгодах, о деньгах, которые они могли бы получить на социальные пособия, они поддержали проект. Напомню, что, как только что сказал господин министр, наши дебаты проходили в абстрактном контексте. Я попросил их рассматривать нашу работу как простую школьную задачу. В день, когда им придется иметь дело со

своими избирателями, с такими оковами на ногах — поскольку, повторяю, оба они являются частью нашего движения, — они, возможно, будут реагировать иначе.

— Вполне возможно. Однако я возьму на заметку, что они прониклись аргументами, которые вы привели. Это означает, что, если взяться за дело с умом, победить можно. В НФП партийная дисциплина достаточно крепка, чтобы не ждать неприятных сюрпризов. Реакция наших союзников внушает мне больше опасений. С коалициями вечно происходит одно и то же. Вспомните, как знаменитая левая коалиция развалилась в связи с делом Байе... А наш законопроект представляется мне намного более взрывоопасным, чем дело Байе. Я полагаю, господин министр, что начать нужно с обеспечения ваших тылов. В правительстве семь членов НФП. Вы должны стать стержнем нашей революции. Это значит, что все должны поддержать проект. Как полагаете, сумеете ли вы этого добиться? Если да, то, полагаю, примкнут и все остальные. Вы всемером имеете большой вес в правительстве, у вас есть рычаги давления на премьер-министра. В заключение я предлагаю вам собрать ваших коллег, создать нечто вроде кризисного ядра и вместе с ними обойти эти подводные рифы политики. Доклад Майоля дает технические ориентиры досье. Теперь пора переходить к его политическим, гуманитарным, философским аспектам. Нельзя ничего оставлять на волю случая. И естественно, надо определить стратегию.

В тот вечер у Кузена Макса не было времени, чтобы снять галстук. Усевшись рядом со мной на банкетку в глубине зала, он ограничился тем, что ослабил узел. Его улыбка согрела сердце, это была улыбка довольного ребенка, ребенка, который только что добился сноса голов нескольких миллионов дедушек и бабушек.

– Что вы об этом думаете? Нет, для вашего пикета время еще не пришло! Давайте, я плачу за все! Как считаете, вон тот старик, облокотившийся на бар, выпьет с нами?

Став почетным зрителем первых криков этого мерзкого новорожденного, которого Кузен Макс держал на своих руках, за следующим этапом я наблюдал уже на расстоянии. Но кормящий отец держал меня в курсе развития событий. Хотя и значительно реже, чем раньше, но он все же продолжал появляться в «Регалти», делая вид, что ему интересно послушать наши разговоры, и отводя меня в сторонку, рассказывал о своих тайнах. Я чувствовал, что ему было необходимо ими поделиться со мной. Его одиночество, какими бы твердыми ни были его убеждения, должно было делать его жизнь невыносимой. Я служил ему чем-то вроде предохранительного клапана.

Бофор настоял на том, чтобы он вошел в состав новой группы, имевшей целью вплотную заняться разработкой законопроекта. Помимо министра внутренних дел туда вошли Пьер Брид, министр иностранных дел, шестьдесят пять лет; Анри Бро, министр обороны, шестьдесят лет; Ален Буассу, министр сельского хозяйства, пятьдесят четыре года; Жан-Луи Бужон, министр по делам молодежи и спорта, сорок девять лет; Брижит Лаверно, министр государственной службы, пятьдесят шесть лет; Франсуаза Моро, министр транспорта, пятьдесят три года. В составе этой группы был также Жан Бертоно, пятьдесят два года, генеральный секретарь

НФП, серый кардинал, человек, который сделал из партии то, чем она стала, и который заправлял всей французской политикой. Тот, из чьих рук, как он любил похвастаться, кормились руководители партий, вошедших в правую коалицию. Какие люди, говорил Кузен Макс, но управлять этими людьми было нелегко. Не найдя более подходящего названия этой группе, Кузен Макс называл ее «Кризисное ядро». Но называл он ее так только в разговорах со мной и не мог скрыть недовольства тем, что группа существовала без названия. С философской точки зрения это было нехорошо. С призрачной рабочей группой уже был перебор, и выносить эту новую группу ему было совсем тяжело. Но, как бы то ни было, он не мог говорить с Бофором на тему наименования. Потому что новый орган не имел ничего общего с маленькой группой, которая начинала это дело: та группа была для игры, а эта – для страшных баталий. Возраст участников, вероятно, объяснял резкость их выступлений: данный законопроект касался лично каждого из них.

С самого первого заседания «Кризисное ядро» Кузена Макса стало оправдывать свое название: нервные срывы, слезы, скандалы, кризис личности, всего было предостаточно и на любой вкус. Бофор, следует признать, не собирался ходить вокруг да около. Он решился на шоковую терапию: вначале сделать очень больно, а потом рассуждать. По предварительной договоренности с Бертоно он нарисовал присутствовавшим картину апокалипсиса Франции, в несколь-

ких словах упомянул о предлагаемом решении и объявил, что оставалось только претворить в жизнь меру, да, такую болезненную, но неизбежную: сократить продолжительность жизни до семидесяти лет.

После нескольких секунд всеобщего недоумения Брид наконец решил, что это была всего лишь шутка. Запустив ладонь дипломата в свою густую шевелюру, что у него означало настоящее облегчение, он громко рассмеялся и вызвал у коллег взрыв самых острых шуток. Но мало-помалу смех стих: трагическое выражение на лицах Бофора и Бертоно не располагало к веселью. Конечно, когда Бофор под предлогом сохранения государственной тайны собирал их на эту встречу, они решили, что случилось что-то серьезное. Но представить себе такое, такую, это... У них просто не было слов, они почувствовали себя в ловушке.

Этой ловушкой Бофор воспользовался очень умело. Кузен Макс пришел от этого в волнение и восторг. Этот Бофор был действительно то, что надо: рвущийся к власти, готовый смести все, что могло бы помешать его замыслам. Иногда даже возникал вопрос: были ли у него какие-нибудь человеческие чувства? Но какая эффективность, какое умение манипулировать людьми! — он мог привести кого угодно куда угодно и когда ему было угодно.

В тот день он завершил заседание через полчаса. Хотя у каждого было что сказать. Мадам Моро лихорадочно что-то писала. Бро незаметно вытирал платком слезы, раньше такой

сентиментальности за отставным полковником инженерных войск не наблюдалось. Буассо бормотал свои «но... но», от которых его палач отмахнулся. Брижит Лаверно и Брид, широко раскрыв глаза и разинув рты, были не в состоянии что-либо возразить. Только лицо Жан-Луи Бужона не меняло выражения: он стоически желал привить спорт, как школу жизни, новым поколениям. Да и потом, разве меры, которые были ему предложены, не являлись средством развития и возвышения молодежи, этой прекрасной молодежи, которая, по его замыслам, должна была завтра зашагать сомкнутыми рядами с высоко поднятой головой к лучезарному будущему, а потом, в день его ухода из жизни, прийти к нему отдать последние почести. Перспектива менее радостная, но нельзя же приготовить омлет, не разбив при этом яиц, а он, Бужон, чувствовал себя готовым пожертвовать своим телом ради прогресса. Да, готовым, тем более что присутствующие здесь коллеги к тому времени уже будут лежать в гробу, предоставив ему, таким образом, свободу действий. Он продвинется по службе. Власть и слава стоят жертв...

Прервав воинственные мечты Бужона, Бофор распустил своих апостолов, призвав их собрать все свое мужество, если не сказать достоинство. Пусть они подумают над судьбой Франции, пусть забудут о своей маленькой личности. И выразил уверенность в том, что на следующем заседании группа наконец-то приступит к работе. Он даже не извинился перед ними за то, что украл у них два года жизни. Он также не

преминул напомнить им о необходимости соблюдения конфиденциальности: для того, кто проговорится, будет приготовлена специальная тележка на эшафот, не дожидаясь, когда болтуну исполнится семьдесят лет. Эта шутка заставила смеяться лишь его самого. Несмотря на то что коллеги сделали вид, что разделяют его веселье, все они помнили о некоторых необъяснимых исчезновениях людей, чтобы смеяться от всего сердца.

Утро вечера мудренее, даже если ночью совсем не спишь. С посеревшими лицами, с синими кругами под глазами, министры изображали внешнее спокойствие в момент начала второго заседания. Каждый из них положил на стол перед собой досье. На обложках, как с любопытством заметил Кузен Макс, не было никаких надписей. Вообще-то министр – личность организованная, любящая понятные и доступные вещи. Он обычно кладет на стол досье, на которых опытные секретари ставят пометки о важности. А тут ничего подобного: маленькие неприметные досье, которые с виду и мухи не могли обидеть. В них лежало несколько листков, на которых неразборчивыми почерками было что-то написано, явно с ошибками.

Да и что они могли там написать, не объявляя при этом судьбу длинных когорт невинных людей, с которым министры готовились свести счета?

«Группа по разработке законопроекта об уничтожении

лиц пенсионного возраста»? Это могло быть все что угодно! «Комитет по зачистке»? Уже было.

«Сумерки стариков»? Бужон с большим трудом удерживался от дикого хохота. Иногда он сам себе удивлялся. И рядом не было никого, с кем он смог бы поделиться своими находками, какая жалость! Все же «Сумерки стариков», надо бы подсказать это название Бофору, когда он будет в хорошем расположении духа. Ладно, допустим, ему не понравится такое название досье. Какое же тогда выбрать? А что если «Теория кающихся грешников»? Неплохо для процессий осужденных на смерть, мысли о которых он старался отогнать, как надоедливых насекомых. Это его беспокоило, поди узнай почему. Неплохо. Возможно, он слегка свихнулся? Ну, потом увидим.

Итак, тонкие неприметные досье. Разноцветные внутренние стороны обложек. Кузен Макс подумал, что цвета выбраны не случайно. Для министра Моро смерть ассоциировалась с цветом кожи новорожденного: розовым. Более логичным был выбор серого цвета Бридом, Бро и Брижит Лаверно. Буассу предпочел бледно-зеленый цвет надежды. Но все не смогли удержаться от приступа тошноты, когда Бужон вынул из портфеля досье с ярко-красной, словно залитой кровью обложкой. Бертоно предпочел светло-голубой цвет, веселенький, как блеск холодного оружия.

Кузен Макс едва сдерживал разочарование: дело обещало затянуться. Вопрос заслуживал серьезной работы, а не под-

готовки этих школьных досье. Пусть и не чувствовалось энтузиазма, но он вправе был рассчитывать на минимальное профессиональное сознание. Так он и сидел, углубившись в мрачные мысли, когда вдруг увидел, как Брид из внутреннего кармана пиджака достал сложенный листок бумаги, который развернул перед тем, как сунуть его в свое досье с серой обложкой. Буассу достал свой листок из кармана рубашки. Франсуаза Моро предпочла хранить свой листок в глубине дамской сумочки под пудреницей. Бро, за ним Бужон и все остальные разглаживали кулаками каждый свой смятый листок, где были видны набросанные тайком, так чтобы никто не видел, мысли, которые, по замыслу писавших, могли бы забраковать законопроект.

Только один Бертоно сидел с непроницаемым лицом. Он опустил сложенные руки перед собой на досье цвета клинка, словно хотел задушить это досье, словно призывал себе на помощь грозные силы, чтобы наставить на путь истинный этих овечек. И простить все смертные согрешения, которые они собирались совершить. Можно было подумать, что он присутствовал на заседаниях лишь для того, чтобы присматривать за ретивыми учениками. На самом деле он выполнял и доводил до драматического состояния свою роль пугала, которая подчеркивалась неизбежными задымленными стеклами его очков. Страх, ужас, который некоторые испытывали перед ним, основывался не только на слухах. Бертоно умел совмещать жесты и слова. То, как он захватил власть

в НФП, внушало уважение: отставки, союзы, которые никто не мог объяснить, три или четыре внезапные смерти, которые, вероятно, напрасно приписывали Бофору. Всегда все списывают на богатых. Так вот, он перешагнул через эти три или четыре трупа, даже не бросив на них взгляда. Настоящий мужчина, стальная перчатка на стальной руке, как он любил себя называть, с полным отсутствием чувства юмора, о котором все знали, но над которым никто не смел шутить, даже в частных беседах.

Это был серый человек. Серый со всех точек зрения: костюм, галстук, волосы, цвет лица, цвет глаз. Даже его улыбка, как утверждали редкие очевидцы этого события, имела серый оттенок. Бертоно был сер и ни на что не похож. Человек без цвета и без запаха. Ты можешь провести рядом с ним целый день, а когда расстанешься, то спустя всего пять минут ты не сможешь его описать. Да, ты вспомнишь о его нежных руках, о женских руках с безукоризненными ногтями, о его жестах прелата, о сладком голосе, похожем почти на шепот. И невозможно догадаться, что таится за этой серой стеной. Впрочем, тебе и не захочется об этом знать. Ах да, есть особая примета, пятно справа на подбородке, то ли пигментное пятно, то ли шрам. Никто не осмелится его об этом спросить. И понимаешь, от него исходит такая серость, что даже это пятно куда-то исчезает. Бесцветный, как медуза. Очень ядовитая.

Проект Бофора очень понравился генеральному секретарю.

рю: он любил сравнивать Францию с огромным одиноко стоящим дубом. Ему предложили отсечь от дерева ненужные ветви — ах, какой будет костер — и позаботиться о почках, оздоровить корни, можно будет даже укрепить ограждение вокруг ствола. Его снедало нетерпение. Будь его воля, он поставил бы законопроект на голосование немедленно. Бофору удалось его убедить в том, что поспешность может причинить вред их революции. Не надо спешки, но не надо и увиланий, никаких уверток в принятии решения. Отношение к проекту его министров во время первого заседания привело его в ярость. Он не поленился позвонить потом каждому из них, как обычно ночью, в то время, когда побежденные сном члены рабочей группы видели во сне, как они будут жить в мире, где престарелые министры будут уничтожены. Он любил звонить ночью, потому что после внезапного пробуждения защитная реакция человека ослабевает, все аргументы находятся где-то в шкафу, в карманах пиджаков, глаза отведены от замочных скважин, а мысли не столь ясны. После короткой проповеди, в ходе которой шепот граничил с ядовитой фамильярностью, каждый из министров уяснил, что от него ожидают активного участия и полной поддержки. Брид, которому возраст под другими небесами гарантировал бы определенные привилегии, то ли из горделивой независимости и смелости, то ли из лучших побуждений осмелился поинтересоваться, а что будет «в противном случае»? В противном случае? Да просто обойдется и без него. Он уста-

вился в потолок, его раздражал храп супруги Полетт, которой был уже семьдесят один год и которая могла бы лучше использовать оставшееся ей для жизни время. Брид остаток ночи провел, размышляя над тем, что он недослышал: то ли генеральный секретарь сообщил, что обойдутся без него, то ли пригрозил, что от него избавятся. Честно говоря, он не был уверен в том, что правильно все понял, поскольку это была не та фраза, которую можно было переспросить, это его сильно озадачило. На рассвете министр иностранных дел уже принял решение. Успокоились и его душа, и его сознание. Он будет принимать активное участие и все поддержит.

Таким образом, раскрашенные в различные цвета досье на втором собрании позволили проекту продвинуться. Кстати, тронутый активным участием министров, Бофор не смог отказать себе в удовольствии и сообщил хорошую новость: на прошлом заседании он немного увлекся, на самом-то деле предел периода дожития должен быть установлен на уровне семидесяти двух, а не семидесяти лет. Обычно при исполнении своих обязанностей министр не показывает своих чувств, но сейчас все собравшиеся не смогли скрыть своей радости. Два года жизни заработаны просто так, не успели они даже щелкнуть пальцами! Два года! Но это все меняет! Этот проект уже пришелся им по сердцу. Да, конечно, вначале они заупрямились, но надо их понять, это было так неожиданно, речь шла о незавидной кончине их родных. Теперь все стало проще. О да, они поддерживают проект! Да,

они будут принимать участие в его разработке, да еще как активно!

Тон задал Буассу, который в прошлое воскресенье руководил банкетом в сельском клубе Азейле-Брюле. Тон был несколько игривый, если принять во внимание важность поднятых проблем, но ему не стоило печалиться, между пятьюдесятью четырьмя и семьюдесятью двумя годами разница составляла целых восемнадцать лет. Восемнадцать прекрасных лет — он с изощренным удовольствием нацарапал эту цифру на задней стороне обложки своего досье и, ей-богу, почувствовал, застой в ногах. Давайте быстрее начнем, работы невпроворот, а вечером не исключено, что он сможет позволить себе немного расслабиться.

— Раз надо с чего-то начинать... У меня есть ряд вопросов. На самом деле их можно было бы объединить в один главный вопрос, надеюсь, он присоединится к вопросам моих коллег... Итак, продолжительность периода дожития будет ограничена семьюдесятью двумя годами. Это довольно большой контингент. Мой вопрос состоит в следующем: касается ли эта мера всех? Если это так, то рассмотрели ли вы последствия? Прежде всего, хотим мы этого или нет, наше правое националистическое движение черпает значительную часть электората среди людей тех возрастов, которых эта мера касается. Это, конечно же, совпадение, но социально-профессиональные категории, которые нас поддерживают, быстро стареют: духовенство, военные, торговцы. Не рискуем ли мы

рубить сук, на котором сидим? И наконец, не обезглавит ли или даже не опустошит ли эта мера некоторые наши государственные учреждения: подумайте о сенате. Там останется лишь горстка сенаторов. Эту структуру придется упразднить, если не найти другого решения.

– Ваш вопрос очень интересен, Буассо. Мы уже обсуждали его с Тексье и Майолем. Ответ прост: семьдесят два года для всех без исключения. Для всех – это значит для здоровых и больных, для активно работающих и для бесполезных, для пенсионеров национального образования и для политиков. Представляете себе взрыв негодования по поводу предоставления отсрочки сенаторам?! При их-то репутации! Вот, смотрите, я обнаружил выступление некой депутатки-социалистки в 1999 году. Здесь сделана ссылка на этимологию слова *senex*, означающего собрание стариков, и указано, что в наше время речь идет о некоем «органе, полностью оторванном от демографического, социального и экономического положения французов»! Согласен, в ту пору сенатом управляли правые. Но с тех пор многое изменилось. Туда смогли просочиться и левые. Тем более надо резать по живому. Указанная депутатка призывала сократить мандат сенаторов с девяти до пяти лет. Настала наша очередь омолодить стариков. Возвращаясь к другому аспекту вашего вопроса, относительно того, не выстригаем ли мы траву под своими ногами, уничтожая стариков? Полагаю, что риск есть, он минимальный, но на этот риск надо пойти. Наше движение, а

через него и вся наша страна, не может продолжать делать ставку на торговые фонды. Не о такой Франции я мечтаю. Я могу показаться вам циничным: они позволили нам прийти к власти, теперь мы в них не нуждаемся. Тем более что левые и центристы своими демагогическими речами сильно подорвали нашу гегемонию. Повторяю: будущее не принадлежит людям пенсионного возраста. В любом случае, не наше будущее. Вспомните, что говорил Мергэ двадцать лет тому назад: старость похожа на кораблекрушение. Конечно, в то время он имел в виду своего соперника, но это не важно, он уже тогда открыл путь к омоложению руководства. Уверен, если бы не гибель от несчастного случая, он смог бы претворить в жизнь свои задумки. Мы должны поставить на молодежь. Левые уже подготовили для нас почву, молодежь утратила жизненные ориентиры, она ждет, когда ей укажут на новые ценности: именно мы должны их дать, и именно мы должны этим воспользоваться. Не так ли, Бужон?

Бужон полностью разделял точку зрения своего друга Бофора. Молодежь долгое время оставалась предоставленной самой себе, он считал, что его пост позволял ему об этом говорить. И он говорил, меряя комнату шагами. Молодежь мечется, словно зверь в клетке. При этом проявляет склонность к насилию, и, если ее не направить в нужное русло, если не дать ей обо что поточить когти, ситуация может со дня на день взорваться. Но ему в голову пришла одна мысль: он представил себе, что решение сократить продолжительность

жизни до семидесяти двух лет будет введено не когда-нибудь, а через год, через два. Не произведет ли оно ретроактивный эффект? Потому что если так случится, это затронет множество людей!

– Этот Бужон как всегда прагматичен! Но вы правы, не стоит закрывать глаза на практические трудности. Майоль, сколько будет кандидатов, скажем, через пару лет? Между семью и восемью миллионами? Черт подери! Естественно, это не пустяк. Но, с другой стороны, это позволит улучшить положение с занятостью: нужна будет рабочая сила! Придя в хорошее настроение от рабочей обстановки, Бертоно сказал свое доброе слово:

– Не стоило хлопать дверью при выходе из Европейского сообщества. Брюссельские технократы, возможно, выплатили бы нам премии за убийство наших стариков...

В ходе последовавших заседаний проект начал обретать форму закона. Работы по-прежнему велись в обстановке повышенной секретности. Кузен Макс был секретарем, он делал записи, составлял отчеты – в одном экземпляре для Бофора – и стандартную повестку дня:

1. Утверждение протокола предыдущего заседания.
2. Ретроактивность решения.
3. Увеличение потребления медикаментов и медицинских услуг в зависимости от возраста.
4. Целесообразность создания центров отдыха.
5. Разное.

Ах, эти центры отдыха! Решительно, министры уделяли больше внимания форме, а не сути вопроса. Проникшись сутью проекта благодаря дружескому нажиму Бертоно, они не ставили под сомнение основные направления проекта. Кажалось, шок вызвал у них анестезию. Зато, когда речь заходила о присвоении названия той или иной структуре, тому или иному разделу работ, веки их приподнимались, ораторы воспалялись. Так, когда они вернулись к поставленному Бужоном деликатному вопросу и Кузен Макс предложил создать некие специализированные центры эвт... эвтаназии,

никто не посмел возразить против принципа создания подобных заведений. Зато как бурно, с каким запалом, с какой выдумкой обсуждался вопрос об их названии! Все по достоинству оценили предложение мадам Моро назвать их «Домами отдыха», но потом решили, что это может привести к путанице. Бро предложил вариант названия «Площадка для ухода», что вызвало много споров. Зато все дружно отвергли предложение Брижит Лаверно назвать их «Муниципальными бойнями». Правда, никто не понял, имела ли Брижит Лаверно первый уровень или второй, но решение было принято. Закончилось все тем, что все поддержали предложенное Пьером Бридом название «Центр перехода», что звучало лучше предложенного Бофором варианта «Центры отдыха».

Министры затратили еще целых два часа на споры относительно наименования проекта.

– Конечно, – настаивал Бужон, – это проект, но это одновременно и операция, мероприятие, решение. Мы путаемся в понятиях, не знаем уже, всему делу требуется давать название или же одному из его аспектов. Мы вообще уже ничего не понимаем.

– Наименование проекта? Название, которое обозначало бы все, не обозначая при этом ничего?

«Операция “Юность”»? «Удар кокоса»? «Вперед, молодежь»? «Нашим дорогим предкам»? «Покойтесь с миром»? «Новая эра»? «Прекрасные годы»?

«Последнее причастие»?

Стараясь не слишком высовываться, не быть первым в классе учеником, Бужон предпочел умолчать о наименованиях, которые так его веселили. Однако они означали совсем не то, что предлагали коллеги. Ну просто школьный уровень, не выше!

Желая взять реванш за провал своего названия перед «Центром перехода», Бофор сумел навязать свое название проекту – «Семьдесят два». Да, просто «Семьдесят два». Поскольку аплодисментов не последовало, он взял всех измором. А почему бы и не «Семьдесят два»? Это понятно, нейтрально, подходит ко всему. Каждый поспешил написать на обложке своего досье крупными буквами:

«Семьдесят два», – и теперь досье стали похожими на настоящие досье. А Кузен Макс, хотя он и был несколько разочарован наименованием, почувствовал облегчение. Одна тема, одна цель.

Сразу же после того, как Франсуаза Моро написала на обложке наименование, ее вдруг осенило, и она воскликнула:

- А женщины?
- Женщины? Что с женщинами?
- Женщины тоже? Семьдесят два года?
- Конечно! Это же очевидно!
- Нет, не очевидно! Продолжительность жизни женщин на пять лет превышает продолжительность жизни мужчин. Они будут наказаны строже. В этом нет ни справедливости,

ни логики.

Черт, черт! Даже Кузену Максу в голову не пришло рассмотреть вопрос с этой точки зрения. Вскинув брови, Бофор призывал его на помощь. Но напрасно. Кузен Макс молчал. Он досадовал на себя за то, что не пригласил в рабочую группу представительниц слабого пола. О чем он только думал? В качестве оправдания он вспомнил о своем бракоразводном процессе, который сделал его пристрастным и необъективным... Анри Бро пришел на помощь, у него было преимущество перед Кузеном Максом: три развода позволили ему досконально изучить женскую натуру. У него не было никаких сомнений:

– Поскольку они все уши нам прожужжали про равенство полов, про паритетное представительство и про всю эту чепуху, я не вижу причин для дискриминации по половому признаку. Мужчины, женщины, все едино – семьдесят два года! Кстати, Бофор, напомните-ка, ваш проект предусматривает выход на пенсию в пятьдесят пять лет. Это касается обоих полов?

Бофор раздраженно кивнул. Да, эта Моро его раздражала своими настолько примитивными вопросами, что никому и в голову не пришло об этом задуматься. Эта Моро и ее практичность домохозяйки! Все в ней было как в домохозяйке: прическа с завивкой на бигуди, голубой костюм, туфли на низком каблуке. Это была идея Гарсена, ему захотелось иметь в правительстве домохозяйку, чтобы внушить доверие

другим домохозяйкам. Домохозяйка – министр транспорта! По крайней мере, не было двусмысленности в виде транспорта! Но домохозяйка она или нет, ее вопрос заслуживал того, чтобы над ним поразмыслить. С выходом на пенсию все было ясно: пятьдесят пять лет для всех, по-другому сделать было невозможно. А с «Установками для перехода»? Женщина, и статистика это подтверждает, может спокойно дожить до восьмидесяти девяти лет. Она не захочет умирать в том же возрасте, что и ее супруг, чей предел восемьдесят три или восемьдесят четыре года. Нет, он ошибается, это прогнозы на 2040 год, но это не имеет значения.

С другой стороны, во Франции женщин на три миллиона больше, чем мужчин. Если вычесть девушек подросткового возраста, которые еще не голосуют, останется, скажем, ну где-то двадцать четыре миллиона избирательниц. В таком случае глупо было бы не прибрать к рукам их голоса. Добавить им еще год? Два? Но тогда будут возмущаться мужчины. Может быть, но мужчин-то меньше...

– Ладно, послушайте, тут надо подумать, в этой ситуации есть много нюансов. Время у нас есть, мы взвесим все за и против. А сегодня мне хотелось бы... Что вы сказали, Брид? День солидарности? Посвятить его молодым? А почему бы и нет? Вы ведь знаете его историю. В 1956 году в продажу поступил знак на автомобиль для стариков. Сами понимаете, что доходы с продажи правительство пустило совсем на другие цели. А потом, выполняя предвыборные обеща-

ния, в один прекрасный день вообще убрали эту виньетку. В 2003 году первое повышение температуры во Франции унесло жизни около пятнадцати тысяч стариков. Всеобщая тревога. Понедельник на Троицу был объявлен праздничным днем, дневной доход направлен на помощь старикам. Профсоюзы возмутились, про понедельник на Троицу забыли, но день солидарности в принципе оставили. Со стариками. В принципе. А на самом деле это стало еще одним налогом. Может, приспособим этот день к сегодняшней ситуации? И официально направим доходы от него на нужды молодежи? Идея неплоха, мы еще к ней вернемся, пока в этом нет никакой срочности. А теперь давайте вернемся к нашим баранам.

Баранами Бофора в тот день стали вопросы разработки стратегии реализации. Все вместе они поработали очень хорошо, Бофор был рад убедиться в том, что проект, простите, «Семьдесят два» был принят единогласно, – конечно, с небольшими поправками, которые надо будет внести: улыбка в сторону мадам Моро, – но настала пора приступить и к стратегической фазе операций. С чего следует начать?

Вопрос был адресован ко всем, но все сразу же повернули головы к Бертоно. Все понимали, по столь заковыристому вопросу Бофор и Бертоно уже переговаривали между собой. Поэтому, чтобы не наговорить глупостей, надо было выиграть время и дать высказаться генеральному секретарю. Это был правильный ход, он уже думал над этим вопросом и хо-

тел поделиться своими соображениями. Просто соображения, не так ли, его личный взгляд на вещи.

– Революция всегда одерживает победу путем кровопролития. Что касается нас, предвидя, что прольется много крови, можно поверить в успех нашего дела... Шучу. Мы не можем говорить о революции, поскольку эту меру хотим навязать мы, руководители на местах. Поэтому мы можем говорить о законе. О революционном законе. За закон голосуют. Депутаты, сенаторы. Пройдет ли наш закон сквозь двойное сито? Сомневаюсь. Вам известна отморозенность Национального собрания и заторможенность сенаторов. Возможен вариант его прохождения после долгих лет разъяснения, перемены сознания... Но мы не можем ждать так долго. Что же нам остается? Референдум. Да, вы не ослышались – референдум. У нас будет время на то, чтобы его подготовить и самим приготовиться. Президент республики? Это я беру на себя. Вместе с Бофором и премьер-министром мы сможем его убедить... Нет, премьер-министр ничего еще не знает про операцию «Семьдесят два». Поскольку ему самому скоро стукнет семьдесят, не думаю, чтобы он этому обрадовался. Когда «Семьдесят два» вступит в силу, он займет одно из первых мест на повозках к эшафоту. Но не стоит переживать, я хорошо его знаю, он хороший парень, все будет в порядке. В конце концов, мы даем ему два года отсрочки... Перед тем как передать слово Бофору для обсуждения практических деталей, я хочу обратить ваше внимание на необ-

ходимость хранить секрет относительно «Семидесяти двух». Мы запустим эту машину, но не надо забывать, что через полгода нас ждут выборы в законодательное собрание. Малейшая утечка информации может привести к катастрофическим последствиям, в том числе и для вас лично... Бофор, мы вас слушаем.

– Повторю основные положения проблемы: лица старше семидесяти двух лет обходятся государству примерно в двести миллиардов франков. Не стану повторяться про гуманитарные аспекты, касающиеся пенсионеров, про их одиночество, неспособность приспособиться к новой жизни... Мы хотим предложить выход на пенсию в возрасте пятидесяти пяти лет. Для того чтобы выплачивать людям пенсии, мы должны или распахнуть двери для иммиграции, или... не улыбайтесь... да, организовать обратные чартеры! Вижу, что все согласны. Нам пять лет потребовалось на то, чтобы решить проблему с иммигрантами, и не для того, чтобы опять наступать на те же грабли. Итак, или иммигранты, или сокращение продолжительности жизни до семидесяти двух лет. В этом суть нашего проекта, ее необходимо распространить, сделать доступной и очевидной для каждого жителя. Это надо делать постепенно, без резких движений. В ближайшем будущем, что касается вас лично, то вам надо обо всем забыть. Я позову вас, когда наступит время идти в атаку. Я уже говорил и хочу еще раз повторить: пока опросы общественного мнения не станут благоприятными, мы ничего не будем

делать. Референдум должен стать ответом на чаяния масс, требования народа. Иначе нам не победить. Мы ведь живем не в какой-то банановой республике. Иногда проводимые во Франции референдумы приносят вред. Вспомните референдум 2005 года, когда мы снова оказались верхом на коне в то время, когда никто в нас больше не верил. Мы не пойдем ни на какой риск. Разве что на минимально возможный, поскольку ничего нельзя предсказать заранее.

Перейдем к конкретным мерам – утверждению состава возглавляемого мною стратегического комитета. В него войдут, разумеется, Бертоно, а также мой советник Тексье и Бужон. Стратегический комитет будет работать в тесном сотрудничестве с группой по связям с общественностью и СМИ, им будет оказывать содействие Макс Майоль, а возглавит Франсуаза Браше. Да, Франсуаза Браше, рекламирующая пирожные и стиральные порошки. Напоминаю, именно она руководила победной предвыборной кампанией нашего президента республики. А это было весьма нелегкое дело. Могу сообщить вам по секрету: ей очень близки наши идеи. И она еще довольна молода!

Первая статья появилась, я это точно помню, 18 марта 2014 года: так, пустяк, несколько строк на одной из внутренних полос газеты «Франс-суар». Мужчина восьмидесяти шести лет, лишенный прав на вождение автомобиля, не справился с управлением и сбил на своей машине двух мотоциклистов, получивших тяжелые увечья. Сам водитель остался невредим. Так, простая информация, которую читаешь каждый день или почти каждый. Однако там журналист задал вопрос: имеет ли смысл разрешать водить машину пожилым людям, не удостоверившись предварительно в том, что они в состоянии это делать с точки зрения здоровья и умственных способностей? Статья не была ни глупой, ни злой. Разве что коварной?

На следующей неделе в ежедневной газете «День», близкой к идеям НФП, сообщалось, что в Перпиньяне какой-то вспыльчивый человек превратил народные гулянья в восстание. Автор этих строк не привел подробностей, к счастью, обошлось без жертв. Но он четко упомянул о возрасте виновника беспорядка – семьдесят восемь лет.

На следующий день в той же газете появилось сообщение о печальном случае со школьниками в Версале: они обходили дома, собирая пожертвования в рамках одной гуманитарной акции. На улице Ампер, едва они позвонили в одну из

дверей, какой-то мужчина наставил на них ружье. Добрые детки со всех ног бросились бежать прочь, за их спинами раздался выстрел. Был ли этот выстрел направлен вверх, как утверждает г-н Х, восьмидесяти лет? Ведется следствие. Детишки с перепугу растеряли все деньги, что успели до этого собрать. Г-н Х отказался возмещать ущерб.

Интересное дело, за несколько недель, словно решив, что напали на золотую жилу, все остальные газеты принялись печатать короткие сообщения, бросающие тень на лиц пенсионного возраста. Даже «Монд» сообщила, что некий неуживчивый человек семидесяти четырех лет расставил капканы на волков в своем имении, по которому проходили, чтобы сократить путь, учащиеся колледжа в Брив.

– Ну, и как они на это реагируют? Что говорят? Кузен Макс был слишком занят в своей кабине те, чтобы читать прессу, и поэтому каждый вечер приходил в «Регалти», зажав под мышкой кучу газет. Я успокаивал его, кампания набирала обороты. Подвиги стариков уже начали вызывать забавный интерес посетителей «Регалти»: смотри-ка, еще один! Роже, послушай, в Лиле задержали карманную воровку семидесяти восьми лет! Не знаю, что с ними случилось, но в последнее время наши предки словно с цепи сорвались. Вот, посмотри-ка «Либерасьон», на улице Сент-Оноре некий ворон восьмидесяти одного года – для ворона возраст весьма почтенный – принялся шантажировать соседей и су-

мел выбить из них шестьдесят пять франков.

Это стало уже игрой. Мы с Франсуа и Пьером развлекались тем, что читали сообщения в рубрике «Разное» и с удовольствием комментировали подвиги старичков и старушек.

Вскоре так называемые подвиги переросли анекдотичные рамки рубрик «Разное». «Монд» снова вернулась к своему установщику волчьих капканов. Да, конечно, несчастного случая не произошло, но эти действия заслуживали того, чтобы остановиться на них и задать ряд вопросов: как быть с неприкосновенностью частной собственности? Все ли можно оправдать заботой о безопасности? До каких пределов должна простираться ответственность властей? И главное, основной вопрос, который обрадовал Кузена Макса: пригодны ли люди преклонного возраста для проживания в современном мире? Конечно, эта статья занимала не целую полосу, конечно, она ни в чем не обвиняла стариков и вообще старалась быть объективной.

– Но она позволяет нам вставить ногу в стремя. Это первая статья, которая прямо указывает на проблему с пожилыми людьми. Могу тебе сказать, что эта статья далеко не последняя. Эта Браше свое дело знает. Увидишь, что будет дальше! Все очень аккуратно. Сам разберешься, ты по-прежнему остаешься моим главным свидетелем.

После того как Кузен Макс ввел меня в состав своей фантомной рабочей группы, он поручил мне наблюдать за реакцией на улице. Я относился к этой задаче серьезно, выслу-

шивал комментарии, тайком делал пометки, чтобы ничего не забыть. Операция «Семьдесят два» стала также и моей. На своей работе я не ограничивался только тем, что торговал, я беседовал с клиентами. О дожде и о хорошей погоде, о последних успехах в освоении космоса, о старике, который выбросил из окна свою домработницу. Клиентам очень нравился этот индивидуальный подход, они охотно откровенничали со мной, старость создавала проблемы, послушайте, вот моя мать, которой уже семьдесят четыре года, так она... Начальству это нравилось меньше, поскольку оно считало, что платят мне не за разговоры, а за продажу.

Стены домов столицы были украшены афишами. Шла рекламная кампания по продаже путевок для отдыха в деревне. Это было интересно молодым, и не только. Чтобы подтвердить эту истину, с плакатов улыбалась парочка, стоявшая в воде и державшая за руки двух необходимых детей. На заднем плане, стоя с подвернутыми, как у ловца креветок, брюками, улыбались родители этой парочки. Пленительная картина гармонии трех поколений. Но у старика не было одного зуба. И все смотрели только на эту щербатую улыбку. Старик занимал скромное место на этом рекламном плакате, на первом плане стояла молодежь. Однако этот отсутствовавший зуб всем чем-то мешал. словно муха на фарфоре. Никто не знал, стоило ли старика пожалеть или посмеяться над ним. Люди шли дальше, думая, что афиша была бы намного привлекательней без стариков. Через пять минут об этом

уже никто не думал.

Мало-помалу на афишах, в газетах, на телевидении пенсионный возраст стал терять свою ауру: симпатичный, добродушный, полный сил старик, глядящий по головке многочисленных усевшихся к нему на колени малышей, стал уступать место хилым существам со злобными взглядами, стоявшим в двусмысленных позах. О, ничего шокирующего, чаще всего на грани карикатуры. Только на грани. Помимо всего прочего, ряд рекламных агентств продолжал печатать образчики прекрасной старости.

Несмотря на все это, из месяца в месяц щербатая улыбка и косой взгляд делали свое дело. Вначале удивленное такими огрехами на полотне, не совсем понимая смысл этого, общественное мнение включилось в эту игру, стало находить смешные стороны этой новой рекламы, возможно, несколько смелой, совсем немного, но занимательной и отличной от других. Это изменило привычные взгляды на рекламу.

А потом, все это не выходило за рамки приличия. Беззлобное подтрунивание, хорошее воспитание.

Этим объяснялся успех новой марки ножей:

«Лагеп». На афишах изображались старик или старуха, которые ножом с усмешкой протыкали шины какой-то машины, мешали движению общественного транспорта или приставляли нож к горлу какой-то девушки, требуя, чтобы она назвала номер своей голубой карты. Вскоре все узнали девиз: «С ножом “Лагеп” я снова живу».

– Понимаешь, – объяснил мне Кузен Макс, – через эту рекламу мы вступаем во вторую фазу разработанного Франсуазой Браше плана: старики не столь уж безобидны. Взглянув на рекламу ножей фирмы «Лагеп», ты засмеешься, но в мозг твой подсознательно прокрадется мысль о том, что старики тоже могут представлять угрозу для общества. Это уже не является прерогативой молодежи. И постепенно мы сможем сломать этот образ спокойствия и безопасности, который свойственен лицам пенсионного возраста. И начиная с этого момента дело станет намного проще.

Со своей стороны и стратегический комитет не терял времени зря. Отсутствие в его составе женщин – только не надо упрекать Бофора в женоненавистничестве: разве не он выбрал в качестве рекламного агента представительницу прекрасного пола? – не помешало его членам вернуться к рассмотрению вопроса, который поставила Франсуаза: семидесятидвухлетние женщины тоже? Явление это довольно известное, когда мужчины начинают говорить между собой о женщинах, похотливый инстинкт сразу же берет верх. Не стали исключением из этого правила и Бужон с Бофором. Кузен Макс был смущен их высказываниями до такой степени, что не стал сообщать мне подробности их шуток. Он сказал только мне шепотом, что Бофор считает, что для баб предел в семьдесят два года был в три раза выше необходимого. Он так хохотал, этот Бофор, так хохотал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.